

ШЕДЕВРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

ЭЛИС ПИТЕРС

ЯРМАРКА
СВЯТОГО
ПЕТРА

РИПОЛ КЛАССИК

Хроники брата Кадфаэля

Эллис Питерс

Ярмарка Святого Петра

«РИПОЛ Классик»

1981

УДК 82-32
ББК 84(4Вел)

Питерс Э.

Ярмарка Святого Петра / Э. Питерс — «РИПОЛ Классик»,
1981 — (Хроники брата Кадфаэля)

ISBN 978-5-386-12866-1

Детективный роман английской писательницы Эллис Питерс (1913–1995) из серии о расследованиях сыщика-любителя брата Кадфаэля. Торговый люд съезжается в Шрусбери на ярмарку, которую устраивает аббатство Святых Петра и Павла. И вот несчастье: при загадочных обстоятельствах убит богатый купец. Доброе имя святой обители под угрозой. Самое время вмешаться сыщику в сутане.

УДК 82-32
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-386-12866-1

© Питерс Э., 1981
© РИПОЛ Классик, 1981

Содержание

Накануне ярмарки	6
Первый день ярмарки	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Эллис Питерс

Ярмарка Святого Петра

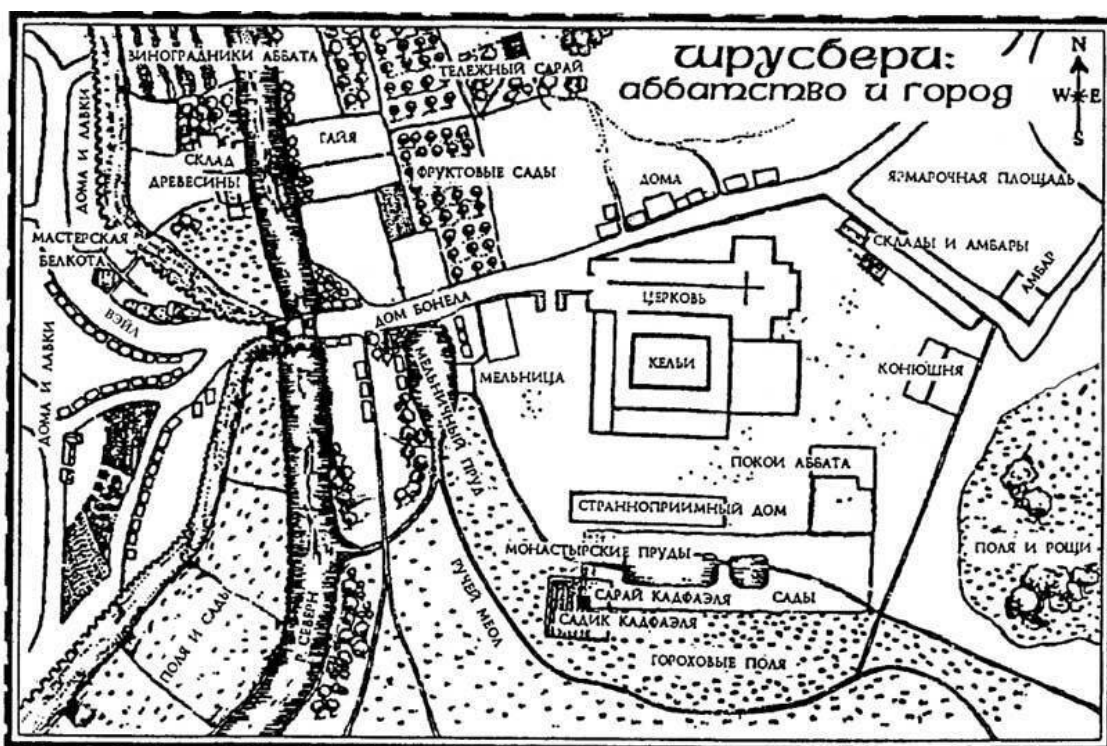
Ellis Peters
Saint Peter's Fair

© Storyside. 2021

© Волковский В. Э., наследники, перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2021

* * *

Накануне ярмарки

1

Начало всей этой истории было положено на обычном ежедневном собрании капитула Бенедиктинской обители Святых Петра и Павла в Шрусбери, состоявшемся тридцатого июля в лето Господне 1139. Капитул был созван накануне Петрова дня, и потому собрание было полностью посвящено подготовке к подобающему чествованию небесного покровителя аббатства.

При основании аббатство было освящено во имя святых Петра и Павла. Однако святой Павел частенько оставался в тени. Порой его имя не упоминалось даже в официальных бумагах. Время – деньги, и писцы ленились заносить в протоколы капитула полное наименование аббатства – ведь в ходе каждого заседания оно поминалось не один десяток раз. Правда, в последнее время – с тех пор, как за кормило обители взялся аббат Радульфус, – им пришлось тщательнее вести записи, ибо он не терпел ни малейшего небрежения и был равно суров как к себе, так и к подчиненной ему братии.

До начала заутрени брат Кадфаэль уже был в своем садике. Он любовался цветущими маками, однажды вывезенными с востока, и прикидывал, когда придет время собирать семена. Сейчас, в разгар лета, уже можно было рассчитывать на богатый урожай, тем паче что весна выдалась мягкой и влажной благодаря таянию обильных снегов, а первая половина лета – жаркой и солнечной. К тому же жара с лихвой возмещалась дождями, вызывавшими к жизни буйную и свежую поросль. Близилась пора косить густую и сочную траву, да и пшеница с нетерпением дожидалась серпа. Как только закончится ежегодная ярмарка, настанет время жатвы и сенокоса. Кадфаэль наслаждался ароматами своего крохотного царства – напоенные утренней росой травы испускали благоухание под первыми лучами солнца. Иные церковные аскеты усматривали нечто греховное в подобном чистом восторге. Брату Марку, трудившемуся на этой благодатной ниве вместе с Кадфаэлем, работа доставляла столь великую радость, что юноша порой всерьез подумывал, не должен ли он покаяться и смиренно принять епитимью.

Впрочем, брату Марку по молодости лет это было простительно. У Кадфаэля имелось поболее здравого смысла, и подобных угрызений совести он не испытывал. Господь одарил смертных несчетными дарами своими, дабы они восхищались и радовались. Равнодушие же можно счесть неблагодарностью Вседержителю.

Еще до заутрени брат Кадфаэль успел два часа поработать в саду; никаких поручений, связанных с проводимой аббатством ярмаркой, на которой сейчас было сосредоточено все внимание, у него не было, а потому, устроившись на давно облюбованном им месте, в укромном уголке капитула, монах, по своему обыкновению, мирно клевал носом. При этом Кадфаэль был, как всегда, готов мгновенно проснуться и вполне вразумительно ответить на любой вопрос, даже если не слишком хорошо его расслышал. Кадфаэль принял постриг уже шестнадцать лет назад, принял осознанно и за все эти годы ни разу не пожалел о сделанном выборе. Как, впрочем, ни разу не пожалел и о той полной приключений жизни, которую он вел в миру. Ныне ему минуло пятьдесят девять лет, но он, как и прежде, оставался бодрым и крепким. Брат Марк в шутку сравнивал его с барсуком – дескать, такой же кряжистый, да к тому же и ноги кривоваты. Правда, к Марку Кадфаэль был неравнодушен и позволял ему то, что другому не сошло бы с рук.

Монах тихонько дремал, почти не посапывая. Строгие правила Бенедиктинского ордена были ему не в тягость, ибо он ухитрился превосходно к ним приспособиться, к полнейшему своему удовольствию.

Погрузившийся в сон, Кадфаэль не заметил управляющего, робко вошедшего в зал капитула и смиренно ожидавшего, когда аббат позволит ему говорить. Но стоило управляющему открыть рот, как монах мигом пробудился.

– Милорд аббат, – промолвил управляющий, – во дворе обители дожидается делегация от городских цехов во главе с провостом¹. Они просят о встрече с вами и уверяют, что дело у них неотложное.

Аббат Радульфус слегка приподнял ровные седые брови и сделал знак, милостиво дозволюя отцам города предстать перед его очами. Отношения между городом Шрусбери, раскинувшимся на одном берегу реки, и обителью, расположившейся на другом, никогда не были особенно сердечными – да и как могло быть иначе, если их интересы нередко сталкивались? Правда, споры и разногласия между ними никогда не выходили за рамки приличий. Ежели аббат и почуял, что в воздухе запахло грозой, то не подал виду. «Однако, – подумал Кадфаэль, глянув на худощавое, резко очерченное лицо аббата и его проницательные глаза, – святой отец отлично знает, зачем пожаловала к нему депутация от Шрусбери».

Именитые горожане вступили в зал капитула плотной фалангой, словно приготовившись к бою. В аббатство явился добрый десяток старейшин, которые представляли половину городских цехов, а возглавлял их сам провост. Почтенный мастер Джеффри, прозванный в силу своего ремесла Корвизер, что на нормандском наречии означало «башмачник», был рослым, осанистым мужчиной лет пятидесяти. Он был гладко выбрит, деловит и исполнен чувства собственного достоинства. Сшитые им туфли и сапоги славились по всей Англии, и потому он прекрасно знал себе цену. Для визита к аббату провост принарядился, и, хотя из-за летней жары не надел длиннополой гильдейской мантии, выглядел он весьма внушительно, что, несомненно, входило в его намерения. Некоторых именитых горожан, столпившихся за спиной провоста, Кадфаэль хорошо знал: старшину цеха мясников Эдрика Флешера, мастера-плотника Мартина Белкота, серебряных дел мастера Реджинальда из Эстона. Все они обладали в городе немалым весом. Но у аббата Радульфуса пока не было случая с ними познакомиться. Прошло всего полгода с тех пор, как он был прислан из Лондона, дабы навести порядок в слегка подраспутившейся провинциальной обители. Ему предстояло многое узнать о жителях порубежных земель, и аббат, человек незаурядного ума, это безусловно понимал.

– Добро пожаловать, господа, – приветливо промолвил Радульфус, – говорите свободно, мы слушаем вас со всем вниманием.

Городские старейшины низко поклонились и выстроились перед аббатом, расставив крепкие ноги, точно воины перед сражением. Лица их были сосредоточенны и серьезны, как, впрочем, и лицо аббата. Кадфаэль, которому доводилось присматривать за монастырскими отарами, тут же вспомнил двух баранов, обменивавшихся точно такими же взглядами перед тем, как сшибиться лбами.

– Милорд аббат, – начал провост, – как вам известно, завтра открывается ярмарка Святого Петра, которая продлится три дня. О ней-то мы и хотели бы потолковать. Условия проведения ярмарки вы знаете. На все время ярмарки в городе закрываются лавки и запрещается торговля любыми товарами, кроме эля и вина. Однако эль и вино будут продавать и на ярмарке, и в предместье, и потому в городе никто на этом не заработает. Целых три дня – да еще каких три дня, когда улицы города будут забиты подводами, носильщиками и вьючными лошадьми, – мы не сможем взимать пошлину за проезд по нашей земле. А ведь эти деньги можно было бы пустить на починку городских стен и мощение улиц. Но нет – все пошлины собирает аббатство. Купеческие суда, поднимающиеся вверх по Северну, швартуются у монастырской пристани, и пошлины с них тоже достаются обители. И за такую привилегию аббатство отдает городу

¹ Провост – глава местного самоуправления.

всего лишь тридцать восемь шиллингов, да и те мы получаем не без хлопот – порой для этого приходится накладывать арест на имущество, арендуемое монастырем в городе.

– Всего лишь тридцать восемь шиллингов! – промолвил аббат Радульфус, слегка приподняв седые брови, правда, голос его звучал мягко и выражение лица оставалось любезным. – Но ведь эта сумма была назначена в качестве справедливого возмещения, и к тому же отнюдь не нами. Она оговорена в хартии, условия которой, я полагаю, известны вам давным-давно.

– Это так, милорд, и, хотя город не раз находил эти условия обременительными, мы не роптали, ибо понимаем, что подписанные соглашения надлежит выполнять. Однако эта сумма никогда не меняется, независимо от того, плохой выдался год или хороший. А нынче городу приходится туго, и нам особенно тяжело терять доходы за целых три дня торговли в самый разгар лета. Должно быть, вы, хотя тогда вас здесь еще не было, знаете, что прошлым летом Шрусбери около месяца находился в осаде, а затем подвергся штурму – это нанесло немалый урон городским укреплениям. Мы, конечно, постарались подновить стены, но работы эти недешевы, и нашему городу, понесшему в прошлом году большие убытки, они не по карману. Половина повреждений еще не исправлена, а время нынче смутное, и кто знает, не придется ли городу не сегодня-завтра снова выдержать приступ. Большую часть товаров повезут на ярмарку по городским улицам, а мостовые и без того разбиты. Мы же не получаем ничего, хотя бы в возмещение ущерба.

– Ближе к делу, мастер провост, – невозмутимым тоном произнес аббат, – как я понимаю, вы явились сюда с тем, чтобы предъявить нам какие-то требования. Говорите напрямик.

– Хорошо, коли вам так угодно, отец аббат. Мы считаем – а я сейчас говорю от имени всех цехов и городского собрания Шрусбери, – что в такой год город имеет основания попросить аббатство либо повысить, только на этот раз, плату за проведение ярмарки, либо передать Шрусбери часть пошлин на товары, доставляемые по реке и суше. Мы бы потратили эти деньги на восстановление стен. Аббатство пользуется защитой города, и было бы справедливо, если бы оно взяло на себя часть расходов по содержанию укреплений. Мы были бы благодарны от всей души, когда бы аббатство согласилось поступиться всего лишь десятой частью ярмарочных сборов. Мы не требуем, а лишь покорно просим. Но городской совет считает, что с вашей стороны было бы справедливо уважить нашу просьбу.

Аббат Радульфус – прямой, худощавый, исполненный истинного величия – обвел решительно настроенных делегатов задумчивым взглядом.

– Это ваше общее мнение? – спросил он.

– Да, милорд, – прямодушно отвечал Эдрик Флешер, – так считает весь Шрусбери, и в городе нашлось бы немало горячих голов, которые высказали бы то же самое, но куда более резко. Мы же полагаемся на вашу снисходительность и смиренно ждем ответа.

По залу капитула прокатился приглушенный ропот. Большинство братьев настороженно выжидали, и лишь те, что помоложе, исподтишка переглядывались и перешептывались. Приор Роберт Пеннант, до недавнего времени надеявшийся сам стать аббатом и горько разочарованный тем, что его обошел чужак, сохранял неколебимое спокойствие. Беззвучно шевеля губами, он читал молитву, поглядывая на аббата из-под опущенных век. На его аскетическом лице было написано сочувствие и понимание, однако в глубине души он желал своему начальнику совершить непростительную промашку. Старый Хериберт, возглавлявший прежде эту обитель, а ныне живущий в ней простым монахом, мягко улыбаясь, мирно дремал в укромном уголке, довольный тем, что избавлен от тяжкого бремени ответственности.

– Как я понял, – спокойно и неторопливо заговорил аббат Радульфус, – спор идет о правах города и нашей обители. Но пристало ли мне разбирать подобные разногласия? Разумеется, нет. В таком деле нужен беспристрастный судья. Но я должен напомнить вам, почтеннейшие, что решение уже принято – и принято полгода тому назад. После осады, на которую вы суете, король Стефан, милостивейший государь наш, подтвердил все древние хартии и

права аббатства на принадлежащие ему издревле земли и привилегии, в том числе и право обители проводить трехдневную ярмарку в честь ее небесного покровителя с уплатой городу суммы, установленной старинным обычаем. Неужто вы сомневаетесь в справедливости нашего доброго короля?

– Скажу откровенно, – заявил провост, – по моему мнению, дело тут не в королевской справедливости. Я не ропщу на решение его королевской милости, но, очевидно, оно было вызвано тем, что король считал Шрусбери враждебным городом, и то верно – Фицаллан, бежавший во Францию, захватил замок и более месяца удерживал его. Видно, король до сих пор так считает. Но ведь мы, горожане, в том неповинны, потому как на ход событий повлиять не могли. И не город, а замок выразил приверженность императрице Матильде, а нам оставалось лишь смириться с этим. Теперь Фицаллан во Франции, его не достать, а расплачиваться приходится нам. Где же здесь справедливость?

– Иными словами, – произнес аббат с опасной кротостью в голосе, – вы утверждаете, что его милость король, подтверждая права аббатства, тем самым мстил городу за непокорство?

– Я только сказал, что он не думал о городе и о том, какой ущерб нанесен ему осадой, в противном же случае он, возможно, и пожаловал бы нам какие-нибудь льготы.

– Ясно. Но коли так, вам уместнее было бы обратиться со своим прошением не ко мне, а к лорду Жильберу Прескоту, королевскому шерифу.

– Мы обращались к нему, отец аббат, хотя и не в связи с ярмаркой. Что же до этого вопроса, то, как мы понимаем, лорд шериф не вправе распоряжаться доходами обители. Никто, кроме вас, милорд аббат, не может решить этот вопрос.

Не приходилось сомневаться в том, что Джеффри Корвизер по части красноречия не уступал аббату, и сбить его с толку было не так-то просто.

– И что же ответил вам шериф?

– Он заявил, что ничем не сможет помочь городу, пока не приведет в порядок укрепление замка. Он обещал дать нам работников, когда закончит починку замковых стен, однако работников и у нас хватает. Нам нужны материалы, а стало быть, деньги, чтобы их купить. Да и работников-то он сможет нам выделить только горстку, к тому же через год, а то и поболее. Неужто, отец аббат, вас удивляет, что в таких обстоятельствах ярмарка ложится на нас тяжким бременем?

– Но и у обители есть свои нужды, причем столь же неотложные, как и у города, – поразмыслив, ответил аббат. – Напомню, что вас ограждают и городские стены, и излучина реки, обитель же лишена этой защиты. Почему же вы просите, чтобы мы оплачивали вашу, а не свою безопасность?

– Не все владения аббатства лежат за рекой, – возразил провост, – в черте города есть дома и земельные участки монастырских арендаторов: их детишкам приходится бегать по разбитым улицам так же, как и нашим, и их лошади калечат ноги точно так же, как и лошади горожан.

– О наших арендаторах мы позаботимся сами, – заявил Радульфус, – доходы с ярмарки позволят нам снизить взимаемую с них арендную плату. Но обитель не может нести ответственность за ветхость городских построек. Мы отвечаем лишь за порядок в своих владениях.

Провост собрался было привести еще один довод, но аббат властно прервал его:

– Довольно. Я выслушал ваши претензии и сочувствую вашим бедам. Но право на сборы с ярмарки Святого Петра священо, ибо оно издревле принадлежит аббатству, и оно не присвоено нами, а даровано высшей властью. Не я установил условия проведения ярмарки, и не мне их менять, ибо права и льготы пожалованы не мне, а обители. Я же всего лишь слуга Божий, на которого временно возложено попечение о нашей обители, и потому не властен изменять оговоренные издавна условия хотя бы в малейшей степени. Сие было бы проявлением непочтения к воле его милости короля, соизволившего утвердить хартию, и дурным примером для моих

будущих преемников, ибо стало бы прецедентом на будущие годы. Нет. Я не выделяю городу ни малейшей толики доходов от ярмарки и не заплачу ни шиллинга сверх оговоренной хартией суммы. Все, что по праву принадлежит обители, достанется только ей.

Аббат увидел, как делегаты разинули рты, намереваясь протестовать против столь категоричного отказа, и поднялся с места. Высокий, прямой, с неколебимым взором, он холодно провозгласил:

– На сем заседание капитула завершено.

Двое или трое из членов депутации порывались возразить, но провост Корвизер лучше других представлял и как надлежит блюсти достоинство города, и как следует его представителям вести себя в присутствии этого сурового и властного человека. Он резко, хотя и довольно низко, поклонился аббату, повернулся на каблуках и твердым шагом направился к выходу. Справившись с растерянностью, спутники провоста с неменьшим достоинством последовали за ним.

На ярмарочной площади и по всему предместью, до самых отгороженных монастырских угодий, где дорога на Лондон сворачивает направо, к часовне Святого Жилия, всюду обустраивались торговые ряды. Ниже по течению от моста, возле плодородной поймы, где раскинулись главные сады аббатства, спешно соорудили временную дощатую пристань. И по реке, и по дороге, пешком, верхом и на лодках, пробираясь через леса и пересекая валлийскую границу, в Шрусбери стекались торговцы всевозможным товаром. А на монастырском дворе собирались именитые люди со всего графства: отпрыски знатных семейств, рыцари и зажиточные йомены со своими чадами и домочадцами. В сельской глуши они обходились домотканым платьем и неприхотливой деревенской пищей, но раз в году съезжались на ярмарку в надежде приобрести роскошные одеяния, изысканные заморские вина, диковинные заморские фрукты и всяческие поделки из золота и серебра. Все эти товары можно было раздобыть только во время ярмарки Святого Петра, а через три дня от них и духу не оставалось. На славное торжище съезжались купцы даже из Фландрии и Германии. Из Франции морем доставляли отменное вино, из Уэльса – тонкую шерсть. В Шрусбери всюду торговали скроенными по последней моде нарядами, благодаря чему даже жители захолустья могли приодеться не хуже горожан. Правда, пока торговцев прибыло не так уж много – большинство должно было подъехать на следующий день. Купцы рассчитывали, что за день, оставшийся до открытия ярмарки, они успеют расставить палатки, чтобы начать торг рано поутру. Зато покупатели спешили загодя обеспечить себе удобный ночлег на время ярмарки, а потому съезжались заранее.

Когда брат Кадфаэль, потрудившись в охотку на своих грядках возле ручья Меол, пришел в монастырь к вечерне, аббатский двор был полон приезжими, их слугами и конюхами, беспрестанно сновавшими между конюшнями и странноприимным домом, который в обычное время служил пристанищем для паломников. Несколько минут монах наблюдал за всей этой суетой. Рядом с ним стоял брат Марк, замороженный гомоном голосов и солнечными бликами, играющими на ярких одеяниях.

– Да, – протянул Кадфаэль, с философской отстраненностью взирая на картину, вызывавшую у Марка изумление и восторг, – кого здесь только нет. Отовсюду народ съехался – кто купить, кто продать.

Монах, немало повидавший на своем веку, внимательно посмотрел на своего юного друга: паренек-то ведь толком и не пожил в миру – скаредный дядюшка спровадил Марка в обитель, почитая лишний рот за обузу, хотя парнишка трудолюбив и усерден. Брат Марк лишь недавно принял монашеский обет.

– Не искушает ли тебя желание вернуться в мир? – спросил Кадфаэль.

– Нет, – без колебаний отвечал Марк, – хотя поглядеть на все это занятно. Правда, с наименьшим удовольствием я люблю цветущими маками. Нельзя ставить людям в укор стремление надеть свои творения теми же красками и формами, которыми Господь наделил свои.

Среди приезжих, толпившихся во дворе, и впрямь можно было заметить несколько прекраснейших творений Господних. Молодые женщины, цветущие, словно маки, еще больше похорошели от предвкушения праздника и с нетерпением ожидали открытия ярмарки – ведь такое событие бывает лишь раз в году. Некоторые из них прибыли верхом на низкорослых лошадаках, иные восседали за спинами своих мужей или слуг, а одну вдову даже доставили в паланкине, подвешенном между двумя лошадами.

– Никогда прежде я такого не видывал, – промолвил брат Марк.

– Ясное дело, – отозвался Кадфаэль, – ты же ни разу не видел ярмарки. В прошлом году весь июль и начало августа город находился в осаде. Понятно, что ни продавцов, ни покупателей сюда и калачом было не заманить. Признаться, я сомневался в том, что народ съедется к нам и в этом году, но, похоже, торговля пойдет на лад. Люди истосковались по ярмарке – в прошлом-то году ее не было. Сдается мне, нынешний торг будет прибыльным.

– Но коли так, то почему бы нам не выделить десятую часть дохода, чтобы помочь привести город в порядок? – спросил Марк.

– Вечно ты, сынок, задаешь заковыристые вопросы, – отвечал Кадфаэль. – Что было на уме у провоста, я еще могу представить, потому как тот говорил откровенно, но аббат держал свои мысли при себе. Такого человека понять непросто.

Но брат Марк уже не слушал его. Внимание юноши привлек всадник, только что въехавший в ворота и теперь сквозь толпу прокладывавший себе путь к конюшне. За ним следовало трое слуг на покрытых грубыми попонами низкорослых лошадаках, причем к седлу одной из них был подвешен арбалет. В наступившие тревожные времена даже в здешних относительно спокойных краях никто не решился бы пуститься в дальний путь, не позаботившись о своей безопасности, – арбалет же, как известно, поражает на большем расстоянии, нежели меч. Впрочем, меч у всадника был, и, судя по всему, он умел с ним обращаться. Однако для надежности он прихватил с собой в дорогу еще и стрелка. Брат Марк загляделся на статного всадника. Тому было на вид около тридцати, он был в самом расцвете сил и отлично выглядел. Незнакомец восседал на прекрасном темно-гнедом коне с дорогой сбруей и правил им с элегантной непринужденностью человека, с младенчества приученного к верховой езде. Из-за летней жары всадник снял свою короткую дорожную тунику и сложил ее на коленях, оставшись в полотняной рубахе и темных штанах. Стала видна его крепкая мускулистая грудь и на ней золотая цепочка с крестом. Непокрытую голову венчала шапка темно-золотистых волос, которые, несомненно, вились бы, будь они отпущены подлиннее. Улыбаясь, он подставлял солнечным лучам живое привлекательное лицо с большими властными глазами. Всадник проехал, а брат Марк мечтательно, но без зависти посмотрел ему вслед.

– Должно быть, неплохо, – задумчиво произнес юный монах, – быть таким, что на тебя всякому посмотреть приятно. Как ты думаешь, он-то сознает, чем его одарил Господь?

Сам Марк ростом не вышел, возможно из-за того, что в детстве постоянно недоедал, а тонзуру его обрамлял венчик ершистых соломенных волос. Правда, если бы юноша почаще смотрелся в зеркало, то, наверное, заметил бы, что у него необычайной чистоты огромные серые глаза, рядом с которыми меркнет обычная красота. Но Кадфаэль не собирался указывать пареньку на сие достоинство.

– Надо полагать, этот красавчик не заглядывает дальше своих длинных ресниц, – добродушно пробормотал Кадфаэль, – так уж повелось на свете. Глаз он радуется, тут я с тобой согласен. Однако красота увядает, чего не скажешь об уме. Так что благодари Господа за то, что он не обделил тебя умом. Ну, хватит глазеть – вся эта суматоха и до ужина не закончится.

При упоминании об ужине брат Марк востепенел. До поступления в обитель он никогда не наедался досыта и в монастыре сохранил почтение к хлебу насущному, наравне с красотою почитая его благословенным даром Господним. Он живо поспешил с Кадфаэлем к вечерне, памятуя, что за ней последует трапеза. Но тут звонкий, веселый голос окликнул Кадфаэля, и тот остановился.

Взорам монахов предстала юная грациозная дама с густыми золотистыми волосами, сияющим овальным личиком и ясными, лучащимися глазами цвета ирисов в сумерках. Брат Марк сразу приметил, что платье ее было высоко подпоясано и она гордо несла округлившийся стан. Молодая женщина готовилась стать матерью – Марк был не настолько невинен, чтобы не понять этого. Согласно уставу ему надлежало опустить глаза – он и хотел сделать это, но никак не мог. Ее прекрасное лицо напомнило ему иконы, изображавшие Пресвятую Деву. И это небесное видение протянуло руки к брату Кадфаэлю и бросилось ему навстречу. Скрепя сердце Марк склонил голову и последовал дальше один.

– Девочка моя, – сердечно промолвил Кадфаэль, пожимая ей руки, – ты цветешь как роза! А ведь он ничего не говорил мне об этом.

– Так вы же не встречались с зимы, – сказала она, застенчиво улыбаясь и краснея, – а тогда мы еще ничего не знали – только мечтали об этом. А я тебя не видела с самой свадьбы.

– Надеюсь, ты счастлива? И он тоже?

– О, Кадфаэль, как ты можешь спрашивать?

В этом действительно не было нужды – молодая женщина просто светила от счастья.

– Знаешь, ведь Хью здесь. Он должен сперва заехать к шерифу, но обязательно заглянет к тебе до повечерия. А я приехала, чтобы купить колыбельку – чудесную резную колыбельку для нашего первенца. А еще валлийское одеяльце из теплой шерсти, а может, из дубленой овчины. И мотки тонкой шерстяной пряжи – чтобы было во что нарядить малыша.

– А как ты себя чувствуешь? Дитя тебя не беспокоит?

– Беспокоит? – переспросила она, удивленно раскрыв глаза. – Что ты! Я чувствую себя превосходно, и дитя мне только в радость. Но, брат Кадфаэль, – лукаво рассмеялась она, – как это получилось, что ты, монах, со знанием дела расспрашиваешь меня о подобных вещах? Уж нет ли, случайно, и у тебя где-нибудь сына? Я готова в это поверить. Что-то уж больно много ты знаешь о нас, женщинах.

– Сдается мне, – осторожно промолвил Кадфаэль, – что меня родила женщина, так же как и всех нас. Я слышал, что даже аббаты и архиепископы появляются на свет именно таким образом.

– Но я задерживаю тебя, – укорила себя молодая женщина, – пора идти к вечерне, да я и сама туда собираюсь. Никаких слов не хватит, чтобы отблагодарить тебя за все, что ты для нас сделал. Помолись за наше дитя!

Она порывисто пожала руки монаху и поплыла сквозь толпу к аббатскому странноприимному дому. Это была урожденная Элин Сивард, ныне Элин Берингар, жена помощника шерифа графства Шропшир Хью Берингара из Мэзбери, что близ Освестри. Замужем она была уже год, и Кадфаэль, немало способствовавший этому браку, от души радовался ее счастью. В приподнятом настроении, донельзя довольный прошедшим днем и надеявшийся, что и дальше все пойдет не хуже, монах направился в церковь.

Когда после ужина он вышел из трапезной, на монастырском дворе, освещенном розовеющими закатными лучами, царил то же оживление и суета, что и днем, а в ворота въезжали все новые и новые гости. На скамье у стены развалился сидел ожидавший монаха Хью Берингар – стройный, гибкий, смуглый молодой мужчина с худощавым лицом и насмешливым взглядом, по которому нельзя было ничего угадать, не зная этого человека. Однако брат Кадфаэль знал его превосходно.

– Если ты еще не забыл своих уловов, – промолвил молодой человек, лениво поднимаясь на ноги, – если ваш новый аббат не такой же хитрец, как и ты, то наверняка найдешь подходящую отговорку, чтобы пропустить повечерие и распить с другом кувшинчик доброго вина.

– И не просто отговорку, – тут же отозвался Кадфаэль, – у меня есть на то веское основание: монастырских телят, видишь ли, разобрал понос, и скотники просят, чтобы я поскорее доставил им свое лечебное снадобье. И я ручаюсь, что сумею угостить тебя чем-нибудь получше, чем простой эль. Посидим в саду возле моего сарайчика – вечерок-то выдался теплый. Однако ты не слишком заботливый муж, – добавил он с шутивным упреком. – Разве можно покидать свою даму ради выпивки, пусть даже и в компании закадычного друга?

– Что до моей дамы, – уныло отвечал Хью, – то она сама меня покинула. Стоило женщине на сносях появиться в странноприимном доме, как ее тут же окружила толпа престарелых кумушек – охают, ахают и наперебой пичкают ее всевозможными советами: что есть, чего не есть и что делать, когда придет время родов. Элин их внимательно слушает и все берет на заметку. Ну а поскольку я не умею ни шить, ни прясть, ни вязать, от меня там нет никакого толку.

Впрочем, все эти сетования прозвучали вполне благодушно, и, закончив, Берингар весело рассмеялся.

– Элин сказала мне, что видела тебя сегодня, а значит, тебе уже все известно. Ну, и как ты ее нашел?

– Она просто сияет, – ответил Кадфаэль, – и стала еще краше, чем прежде.

В садике Кадфаэля, заслоненном высокой изгородью от лучей заходящего солнца, стоял густой пряный аромат трав. Друзья устроились на скамье под навесом сарайчика, поставив между собой жбан с вином.

– Однако мне пора браться за снадобье, – заметил Кадфаэль, – мы можем поболтать, пока я этим занимаюсь. Ты сиди здесь, я и изнутри все услышу, а как только помешаю отвар, выйду к тебе. Какие есть новости из большого мира? Как думаешь, король Стефан надежно закрепился на троне?

Берингар немного помолчал, умиротворенно прислушиваясь к звукам, доносящимся из сарайчика, а затем промолвил:

– Боюсь, что уверенности в этом нет, поскольку, почитай, весь запад, пусть не открыто, склоняется на сторону императрицы. Сейчас все затаились, но это затишье перед бурей. Ты знаешь, что граф Роберт Глостерский нынче в Нормандии у императрицы?

– До нас доходили такие слухи. По мне, так это не удивительно – он ведь ее сводный брат и, как говорят, любит ее. К тому же он человек независтливый.

– Достойный человек, – признал Хью, отдавая должное противнику, – таких немного и в том и в другом лагере. Помогает сводной сестрице, а мог бы и сам попробовать завладеть тронном. Пока западные графства спокойны, но тамошние лорды пойдут за Робертом. А я не верю, что он вечно будет отсиживаться за морем. Ходят слухи, что он и Матильда пользуются каждым удобным случаем, чтобы переманить на свою сторону английскую знать, – так что, возможно, они обзавелись сторонниками не только в западных графствах. А коли так, война может возобновиться. Стоит Матильде заручиться сильной поддержкой, и эта леди не станет сидеть сложа руки.

– Дочери Роберта замужем за самыми могущественными вельможами Англии, – задумчиво промолвил Кадфаэль. – Одна, как помнится, за графом Ранульфом Честерским. Если такие люди выступят в поддержку императрицы, войны не избежать.

Берингар понурился, но потом прогнал невеселые мысли прочь. Конечно, Ранульф Честерский был одним из могущественнейших лордов королевства. В своих владениях он правил словно король, и его слово было законом. Но именно по этой причине представлялось

маловероятным, чтобы он взялся помогать любому из претендентов на трон. Ему в его землях никто не решился бы угрожать. Стефан ли, Матильда ли – ему все равно, кто сидит на троне. Он заботится о нерушимости своих границ, а при случае не упускает возможности их расширить. И чем слабее королевская власть, тем больше представляется таких возможностей – так что раздоры ему только на руку.

– Хоть Ранульф и в свойстве с Робертом, – промолвил наконец Хью, – его нелегко будет уломать. Ежели он и выступит, то только ради собственной выгоды и чтобы упрочить свою власть. Он не из тех, кто станет рисковать ради чужого дела.

Кадфаэль вышел и присел рядом с Хью. В сарайчике горела маленькая жаровня, над которой закипал отвар, и, выйдя оттуда, монах наслаждался вечерней прохладой.

– На дворе-то лучше. Налей-ка мне, Хью, – не терпится хлебнуть винца. – Сделав долгий глоток, монах задумчиво произнес: – Многие опасались, что ярмарка и в этом году сорвется, потому как время тревожное. Но похоже, то, что бароны засели в своих замках, пошло на пользу торговле. Сдается мне, прибыль будет немалая.

– Для обители, пожалуй, так, – согласился Хью, – а вот у города дела обстоят похуже, судя по тому, что я слышал, проезжая по улицам. Этот ваш новый аббат лихо окоротил горожан.

– А, так ты уже и об этом наслышан? – Кадфаэль вкратце изложил суть дела – на случай, если Берингар был знаком с доводами только одной стороны. – Бесспорно, у Шрусбери есть основания просить об уступке. Но и у аббата есть основания отказать городу в ней, и он от своих прав не отступится. Закон ведь не нарушен, ибо обитель берет себе не больше, чем определено хартией. Хотя и не меньше, – со вздохом добавил монах.

– Народ в городе бурлит, – серьезно предупредил Берингар, – и я боюсь, что горожане еще зададут вам хлопот. Они говорят, что, может, аббат решил и по закону, но не по справедливости. Мне и самому кажется, что провост просил не так уж много. Ну, а тебе-то как живется при новом аббате? Что ты о нем скажешь?

– И в стенах аббатства можно услышать ропот, – признал Кадфаэль, – держи только ухо остро. Но я, со своей стороны, не жалею. Отец Радульфус, безусловно, строг, но справедлив и, во всяком случае, к себе суров не менее, чем к другим. При Хериберте братия изленилась да избаловалась, ну а новая метла, понятное дело, по-новому метет, вот иные и ворчат. Но я аббату верю. Он наказывает за провинность, но готов неколебимо встать на защиту невинного. Рядом с таким человеком я чувствовал бы себя надежно в любом сражении.

– А ты не находишь, что он заботится только об интересах обители? – спросил Берингар, лукаво приподняв черную бровь.

– Мы живем в беспокойное время, – промолвил брат Кадфаэль, большая часть жизни которого прошла в боях и походах, – и кто скажет, что уступчивость приносит больше добра, чем твердость? Я еще недостаточно хорошо знаю аббата и не могу с уверенностью судить о том, что у него на уме. Однако вижу: он умен, предан своим обетам, ордену и обители. Дай ему срок, Хью, а там уж поглядим. – Кадфаэль добродушно улыбнулся и добавил: – Было ведь время, когда я и в тебе не был уверен, хотя и недолго. погоди, я и о Радульфусе составлю верное представление. А сейчас, парень, подай-ка мне жбан – глотну да пойду помешаю свой отвар. Сколько там времени осталось у нас до повечерия?

2

Тридцать первого июля и дорогу, и реку заполонили купеческие подводы и баржи. Вся ярмарочная площадь была размечена и разбита на участки для палаток и лотков. Тут же стояли монастырские управители: они указывали прибывавшим купцам отведенные им места и взимали ярмарочный сбор в зависимости от количества предназначенного для продажи товара. За тук, принесенный на плечах носильщика, платили полпенни, за груженный воз плата возрас-

тала в зависимости от его размера до четырех пенсов, а владельцы грузовых барж, швартовавшихся у временных причалов, сооруженных в долине Гайя, выкладывали и того больше. Все предместье бурлило многоголосым гомоном и пестрело многоцветьем одежд. Вдоль торговых рядов, между возами, с криками бегали возбужденные предвкушением праздника ребятишки, и даже собаки носились туда-сюда с лаем, внося свою лепту в общую веселую суматоху.

Хотя ярмарка и не повлияла на строгий распорядок дня обители, в аббатстве тоже воцарился дух веселья. Ученикам и послушникам позволено было в перерывах между службами невозбранно гулять по предместью и глазеть на приезжих. Сам же аббат Радульфус, как и подобало его сану, держался в стороне от мирской суеты и все хлопоты по размещению гостей и сбору пошлин возложил на монастырских служителей из числа мирян. Однако он прекрасно знал, как идут дела, и в случае необходимости готов был вмешаться и принять нужное решение. Как только ему доложили, что вновь прибывший фламандский купец не знает ни слова по-английски и лишь самую малость говорит по-французски, аббат тут же велел брату Матфею, прожившему несколько лет во Фландрии и бегло говорившему по-фламандски, оказать гостю всю необходимую помощь. Был прямой резон позаботиться об удобстве гостей, привозящих тонкие сукна, ибо они приносили немалую выгоду обители. Коль скоро заморские купцы считали возможным, пришвартовавшись в портах Восточной Англии, тратить на то, чтобы нанимать подводы и пускаться в долгий путь в Шропшир, стало быть, о шрусберийской ярмарке повсюду шла добрая слава. Разумеется, посещали ярмарку и валлийцы, но по большей части это были жители порубежья, знавшие английский язык и не нуждавшиеся в толмачах. Поэтому Кадфаэль был несколько удивлен, когда на выходе из трапезной его перехватил запыхавшийся управляющий, у которого от множества забот голова шла кругом, и сказал, что у пристани пришвартовалась баржа богатого купца из Уэльса, который говорит только по-валлийски. Купец, по-видимому, был важной персоной, и управляющий не решился передоверить его устройство кому-нибудь из местных валлийских торговцев – ведь может статься, что назавтра они окажутся конкурентами.

– Приор Роберт освобождает тебя от всех других обязанностей, чтобы ты помог купцу. Оставайся с ним сколько потребуется. Этого человека зовут Родри ап Хув из Молда. Он доставил большой груз вверх по Ди, а оттуда через Врнви сплавил его сюда по Северну, что, должно быть, обошлось ему недешево.

– А что у него за товар? – поинтересовался Кадфаэль, шагая рядом с управляющим к воротам.

Интерес его был неподдельным: монах от души обрадовался неожиданному поручению, поскольку и сам был не прочь поискать предлог, чтобы улизнуть из монастыря и потолкаться среди шума и гама предместья.

– Похоже, по большей части шерсть. Есть у него и медовуха, а кроме того, я заметил несколько тюков шкур – не иначе как из Ирландии. Сдается мне, что торгует он не только поблизости от Ди. А вот и он сам.

Родри ап Хув крепко, словно выросший в землю валун, стоял на досках причала поблизости от своей баржи. Людской поток обтекал его со всех сторон. А рядом нес свои спокойные зеленоватые воды Северн. Для разгара лета уровень воды в реке был довольно высок, и даже тяжело груженные суда с глубокой осадкой без помех причаливали к пристани, на которую сейчас выгружались товары. Валлиец посматривал на тюки других торговцев оценивающим взглядом прищуренных проницательных глаз, прикидывая, что и сколько привезено и каковы будут цены. На вид ему было лет пятьдесят, он производил впечатление человека бывалого, уверенного в себе, и оставалось только гадать, отчего он не выучился английскому. Купец был невысок ростом, но кряжист, с густой черной шевелюрой и косматой бородой, которая не могла скрыть выступающие валлийские скулы. Платье его, хоть и непритязательного покроя, было сшито из дорогой материи и превосходно подогнано. Присмотрев спешащего к нему управляю-

щего, купец понял, что тот выполнил его просьбу, и довольно улыбнулся – среди густой бороды показались крепкие белые зубы.

– Мастер Родри, – добродушно обратился к купцу монах, – меня попросили составить тебе компанию, ибо я говорю по-валлийски. Зовут меня Кадфаэль, и я к твоим услугам.

– Рад приветствовать тебя, брат Кадфаэль, – сердечно промолвил Родри ап Хув. – Надеюсь, ты извинишь меня за то, что тебе пришлось оторваться от своих дел...

– Какие там извинения. Это я тебя благодарить должен. Жаль было бы пропустить такой случай: время от времени надобно и на мир посмотреть.

Торговец окинул монаха взглядом острых, проницательных глаз и заметил:

– Ты наверняка родом с севера. А я так из Молда.

– Я родился неподалеку от Трефрива.

– Стало быть, в Гуинедде. Но сдается мне, брат, что ты побывал куда дальше своего Трефрива. Как, впрочем, и я. Ну да ладно, тут у меня есть пара молодцов – они разгрузят с баржи часть товаров, которые я собираюсь продавать здесь. Остальное – по большей части хмельной мед – я отправлю вниз по реке, в Бриджпорт. Ну что, займемся разгрузкой?

Управляющий помог мастеру Родри выбрать подходящее место и оставил купца в компании брата Кадфаэля надзирать за разгрузкой. Два шустрых низкорослых валлийца – работники ап Хува – живо принялись за дело, ловко перетаскивая на пристань здоровенные тюки с шерстью.

Купец и монах с удовольствием наблюдали за кипевшей вокруг деловой суетой. Худо ли в чудный летний вечерок постоять, облокотившись о перила моста, или прогуляться по зеленой тропинке к Гайе – поглазеть на последние приготовления к ярмарке. Что ни говори, а такое событие бывает не каждый день. Правда, иные горожане хмуро переговаривались и выглядели угрюмо, но и их можно было понять. Весь Шрусбери уже знал, что вчерашняя депутация вернулась ни с чем и городу отказано в просьбе.

– Любо-дорого посмотреть, – заметил Родри, расставив крепкие ноги на пружинистых досках причала, – как торговля объединяет людей со всей Англии, за кем бы они ни признавали право на корону. Толковый человек только почует, где можно зашибить деньгу, и уж тут как тут. Будь у баронов и рыцарей столько же здравого смысла, в стране царил бы мир – к выгоде всех сословий.

– Так-то оно так, – покачал головой Кадфаэль, – но только сдается мне, что и в эти три дня не обойдется без раздоров между торговцами. Сам знаешь, иные из них и за пенни готовы глотку перерезать.

– Ну что ж, не без того. Потому всякий разумный человек носит с собой оружие, какое ему больше подходит: предосторожность никому не вредит. Но все же мы – купцы да ремесленники – ладим между собой куда лучше, чем лорды. Хотя должен признать, – добавил ап Хув с расстановкой, – что и враждующие принцы не оставляют без внимания такие события, как ваша ярмарка. Обе стороны наверняка пришлют сюда своих людей – ведь где, как не на многолюдном торжище, удобнее всего неприметно встречаться с лазутчиками и соглядатаями, разнюхивать новости о противнике да плести заговоры.

– Скорее всего, ты прав, – задумчиво промолвил Кадфаэль, – коли в стране нет ладу, иначе и быть не может.

– Еще бы не прав. Вот глянь-ка налево, только незаметно, не поворачивайся. Видишь того тощего малого в щегольском платье? Того – с бритой физиономией и деланной походкой? Думаешь, зачем он толчется на пристани? Можешь не сомневаться: он приехал заранее, уже поставил палатку и разложил товары, а теперь высматривает, кто прибывает на ярмарку по реке. Это Эан из Шотвика, он перчаточник и, скажу я тебе, не последний человек при дворе графа Ранульфа.

– Неужто граф так высоко ценит его ремесло? – спросил Кадфаэль, с интересом поглядывая на художавого самоуверенного мужчину.

– Ценит-то ценит, но не только ремесло перчаточника. Эан из Шотвика – один из самых сметливых лазутчиков графа, за что и пользуется особым его доверием. И уж коли он притащился аж в Шрусбери, то будь уверен, это неспроста. А глянь-ка туда, на другую сторону. Видишь, там, ниже от нас по течению, готовится причалить большая баржа? Сразу ясно – построена в Бристоле и обошлась небось в добрую тысячу марок! Стало быть, кто-то приплыл из западных краев, которые король так и не сумел взять под свою руку и до времени оставил в покое.

По зеленоватым, слегка серебрившимся в лучах заходящего солнца водам Северна, вдоль поросшего тростником берега скользила баржа – столь искусно сработанная, что легкостью хода и маневренностью не уступала и вполонину меньшим речным судам. Над палубой возвышалась единственная мачта, а на корме находилась закрытая кабина. Трое матросов, легко орудуя шестами, подталкивали баржу к берегу, дожидаясь, когда освободится место у причала. Кадфаэль прикинул, что за разгрузку эдакой махины запросят никак не меньше двенадцати пенсов.

– Такие суда очень устойчивы и лучше всего годятся для перевозки вина, – пояснил Родри ап Хув, оценивающе поглядывая на баржу. – В Бристоль доставляют морем лучшие вина из Франции, а здесь, на севере, они идут нарасхват. У меня глаз наметан – я бристольтскую оснастку сразу признал.

Баржа привлекла внимание немалого числа зевак: кто-то узнал бристольтскую постройку, а кто-то просто заинтересовался ее необычным внушительным видом, и с моста и с дороги поспешили люди, чтобы посмотреть, как причалит новое судно. Среди толпы брат Кадфаэль приметил и знакомые лица: перевесившись через перила моста, глазела на реку Петронилла, жена Эдрика Флешера, и Констанс, служанка Элин Берингар, и даже один из монастырских управляющих, напрочь забывший о своих обязанностях. И тут солнечный луч неожиданно высветил коротко постриженные темно-золотистые волосы – молодой человек легко сбежал по склону к берегу и остановился, не сводя глаз с приближавшегося судна. Молодой дворянин, чья красота вызвала неподдельное восхищение брата Марка, был, видать, так же любопытен, как и любой босоногий оборвыш из предместья.

Тем временем валлийцы, подручные Родри, закончили разгрузку и теперь ожидали дальнейших распоряжений, а валлийский купец был не из тех, кто допускает, чтобы чужие дела мешали его собственным.

– Судов прибыло много, – отрывисто бросил он, – глядишь, и ярмарка начнется, прежде чем все разгрузят. Пойдем-ка да подберем подходящее местечко для моей торговой палатки, пока все не расхватали.

Кадфаэль провел купца вдоль предместья, где уже всю ставились лотки.

– Ты, наверное, хотел бы устроиться на самой ярмарочной площади? – спросил монах. – Туда ведь сходятся все дороги.

– Э, брат, мои покупатели сами меня повсюду сыщут, – самодовольно ответил купец.

Но несмотря на эти слова, валлиец придирчиво осмотрел все предместье и отнюдь не спешил выбрать себе место. Наконец они миновали предместье и вышли к просторной треугольной ярмарочной площади. Монастырские служки заблаговременно расставили здесь деревянные палатки, в которых можно было и товары запереть, и переночевать при необходимости. Палатки эти сдавались купцам за отдельную плату. Другие торговцы привезли с собой лотки на козлах и легкие тенты, ну а торговцы помельче – по большей части окрестные жители – собирались спозаранку разложить свой товар на пледах, а то и вовсе на голой земле между лотками и палатками.

Родри было никак не угодить: все его не устраивало. Он искал самое лучшее место. Наконец он приглядел крепко сколоченную палатку неподалеку от аббатского амбара и конюшни. Купец живо смекнул, что съехавшиеся на ярмарку поведут своих лошадей в конюшню и, коли он пристроится поблизости, никак не минуют его товара.

– Вот это мне подходит. Один из моих парней и ночевать здесь будет.

Старший из работников следовал за хозяином и его провожатым, легко перекинув через плечо свою ношу, а второй остался на пристани караулить выгруженные тюки. Получив указание хозяина, работник принялся складывать свой груз в палатку, а Родри и Кадфаэль повернули назад, к реке, чтобы послать второго слугу следом за первым. По дороге они повстречали одного из управляющих. Кадфаэль сообщил тому, что гость из Уэльса выбрал место, и помог договориться насчет оплаты. Строго говоря, монах выполнил возложенное на него поручение и должен был вернуться в обитель, однако ему не меньше, чем любому мирянину, хотелось потолкаться на людной дороге вдоль Северна. Что ни говори, а такое можно увидеть лишь раз в году, к тому же до повечерия еще оставалось время. И случаю поболтать по-валлийски Кадфаэль был рад: в обители такая возможность предоставлялась нечасто.

Кадфаэль и Родри дошли до того места, где большую дорогу пересекала тропа, спускавшаяся к реке, и с интересом посмотрели вниз. Бристольская баржа уже пристала, и трое матросов начали выкатывать на пристань бочонки с вином. Работой распоряжался дородный, осанистый краснолицый пожилой господин в длинном богатом одеянии. Его надвинутый на голову капюшон был перекручен на макушке, образуя подобие сарацинской чалмы, а широкие рукава развевались, когда он, жестикулируя, указывал, что куда ставить. У него было округлое лицо, полные, до синевы выбритые щеки и колючие кустистые брови. Для своего роста и комплекции он казался необычайно проворным и, судя по всему, считал себя весьма важной персоной, ожидая, что и другие сочтут его таковой с первого взгляда.

– Так я и думал, – промолвил ап Хув, довольный своей сообразительностью и осведомленностью. – Это не кто иной, как сам Томас из Бристоля – крупнейший тамошний виноторговец. А еще он приторговывает всякими диковинами с Востока: пряностями, засахаренными фруктами и сладостями, которые венецианцы привозят из Сирии и с Кипра. Товар дорогой, и прибыль немалая. Любая леди, не торгуясь, заплатит за то, чего нет у ее соседки. Ну, что я тебе говорил? Деньги сближают людей. Купцы – за Стефана они или за Матильду – все одно съезжаются к вам на ярмарку и всяко сумеют столковаться друг с другом.

– Судя по его виду, – заметил Кадфаэль, – у себя в Бристоле он человек влиятельный.

– Так оно и есть. Он в чести у Роберта Глостерского, но, как видишь, не побоялся заявиться к вам в Шрусбери. Дело есть дело, и, коли пахнет барышом, купец хоть в самое пекло полезет.

Они собирались уже спуститься к берегу, когда заметили, что среди собравшихся на мосту нарастает волнение. Оттуда доносился возбужденный гул, и все головы повернулись к городским воротам на другом берегу Северна. В косых лучах заходящего солнца один из парпетов отбрасывал тень до середины моста. Над мостом клубилось облачко легкой пыли, двигавшееся к аббатскому берегу. Пыль поднимали ноги плотно сбившейся кучки молодых людей, вышедших из ворот и сплоченно, словно маленькое войско на марше, направлявшихся в сторону монастыря. Толпы зевак расступались, давая им дорогу. Все прочие горожане празднично прогуливались теплым летним вечером – эти же двигались решительно и поспешно, правда, похоже было, что их поспешность диктовалась боязнью растерять решимость. Их было человек двадцать пять, все безусые юнцы, и некоторых из них Кадфаэль знал: Эдди, сына мастера Белкота, юного посыльного Эдрика Флешера и с полдюжины отпрысков самых уважаемых цеховых мастеров. Во главе всей компании вышагивал, воинственно задрав подбородок и размахивая в такт шагам кулаками, Филип Корвизер – сын самого провоста. Вид у этих молодцов был

сердитый и угрюмый. Прохожие замедляли шаг и недоуменно таращились на них, не понимая, в чем дело.

– Если это не пахнет дракой, – промолвил Родри ап Хув, поглядывая на воинственно настроенную компанию, – то я ничего в таких делах не смыслю. Я ведь слышал, что у вашей обители вышел разлад с городом. Пойдука да пригляжу, чтобы все товары были надежно упря-таны под замок, пока не началась заваруха.

Он засучил рукава, проворно сбежал по тропке, ведущей к пристани, и принялся торопливо убирать подальше драгоценные фляги с хмельным медом. Кадфаэль остался стоять, задумчиво поглядывая на дорогу. «Похоже, – подумал монах, – чутье купца не обманывает. Старейшины города обратились к аббату с прошением и вернулись с пустыми руками. А сынки заправил Шрусбери, судя по всему, вознамерились прибегнуть к более сильным мерам». Правда, приглядевшись, монах не заметил у них никакого оружия. Кажется, даже дубинки ни у кого не было. Но лица их не предвещали ничего доброго – видать, и впрямь без заварухи не обойдется.

3

Перейдя плотным строем мост, рассерженные молодцы задержались, но ненадолго: их предводитель оглядел выстроившиеся вдоль дороги лотки и палатки, бросил оценивающий взгляд в сторону пристани и отрывисто отдал какой-то приказ. Затем он устремился вниз по тропинке, ведущей к реке, а за ним последовало не меньше десятка рослых, крепких парней. Остальные юнцы продолжили движение в прежнем направлении. Любопытствующие тоже раскололись на две группы: кто последовал за одной компанией, кто – за другой. Никому из горожан не хотелось пропустить любопытное зрелище. Кадфаэль пригляделся к молодым людям и еще раз убедился в том, что, хотя настроены они решительно, никто не имел при себе даже палки. Монах сомневался, чтобы хоть один из них явился сюда с ножом. Только лица их пылали воинственным задором. Большинство из них брат Кадфаэль знал и был уверен, что они неспособны ни на какое злодейство, однако, ощущая смутное беспокойство, свернул с дороги и двинулся по тропинке к Северну вслед за ними.

Отпрыск Корвизера, известный в городе бузотер, был вовсе не глуп, но горяч и постоянно одержим всякими шальными идеями. К тому же паренек порой выпивал куда больше, чем стоило бы в его возрасте. Сейчас, правда, он не был пьян, но определенно что-то затевал.

Брат Кадфаэль вздохнул и без особой охоты спустился к пристани. У молодых кровь горячая, они легко увлекаются и идут напролом там, где люди постарше и поопытней предпочитают проявить осмотрительность. А чем больше юнцы кипятятся, тем вероятнее, что набьют себе шишек. Монах вовсе не удивился тому, что Родри ап Хув, человек, выдавший виды, успел убраться с пристани вместе со своим работником и всеми товарами. Надо полагать, что валлиец прежде всего позаботится о том, чтобы упрятать свое добро от греха подальше, а там, глядишь, и вернется к реке – посмотреть, чем дело кончится, но с безопасного расстояния, чтобы ни во что не влипнуть. У пристани под разгрузкой оставалось с полдюжины судов различных размеров, среди которых выделялась великолепная баржа Томаса из Бристоля. Заслышав шум, поднятый сбегавшей по тропе компанией, ее владелец обернулся, смерил юнцов высокомерным взглядом и продолжил руководить разгрузкой. На борту баржи еще высилась изрядная гора тюков, фляг и бочонков.

– Почтеннейшие! – громко окликнул судовладельцев Филип Корвизер, остановившись прямо перед Томасом из Бристоля. Его звонкий голос привлек всеобщее внимание, торговцы оторвались от своих дел. – Я прошу выслушать меня, ибо все вы, как и я, горожане и каждый из вас, несомненно, предан интересам своего города, как и я своего – славного Шрусбери. Но вы платите пошлины и сборы в пользу аббатства, а аббатство отказывает городу в какой-либо

помощи. Мы же сейчас находимся в куда большей нужде, чем обитель, и часть того, что вы отдаете монахам, стоило бы уплатить городу.

Филип исчерпал запал и остановился, чтобы перевести дух. Пареньку было двадцать лет, и он еще не успел избавиться от юношеской нескладности, хотя росту был немало. «Вырядился щеголем, – подметил Кадфаэль, – но вот обувь подвела. А ведь отец его лучший в округе сапожный мастер. Не зря говорят: сапожник без сапог». На голове у парнишки красовалась копна густых темно-рыжих волос, а его миловидное, простодушное лицо было покрыто легким загаром, правда, сейчас оно побледнело от волнения. Все отзывались о Филипе как о сметливом расторопном малом и прекрасном работнике – цены бы ему не было, кабы не его вечные дурацкие выходки. На них паренек не скупился – дай только повод. Ну а сейчас повод у него был. Малый – вразуми его Господь! – обратился к купцам со страстной речью, приводя те же доводы, с которыми его отец обращался к аббату, и – о святая простота! – надеялся, что сумеет убедить расчетливых дельцов в своей правоте.

– Если аббатство плюет на нужды города, – продолжал Филип, – то почему бы вам не встать на нашу сторону? Мы пришли сюда, чтобы помочь вам разобраться и рассудить, кто прав. Вы горожане и знаете, чего стоит поддерживать город в порядке. Для многих из вас не секрет, во что превращаются городские стены и мостовые после осады. Разве то, что мы просим поделиться прибылью от ярмарки, несправедливо? В прошлом году аббатство не понесло такого ущерба, как Шрусбери. И коли бенедиктинцы не хотят поделиться с нами доходом, мы обращаемся к вам, нашим собратьям, знающим, что такое тяготы и невзгоды.

По мере того как Филип говорил, торговцы стали терять к нему интерес и один за другим возвращались к разгрузке.

– Послушайте, – воззвал к ним юноша с еще большим жаром, – единственное, о чем мы просим, это чтобы вы не спешили вносить десятину в пользу аббатства, а вместо того уплатили бы ее городу – как сбор за починку стен и мощение улиц. Если все вы будете заодно, обитель ничего не сможет с вами поделать. Вы-то ничего не потеряете, лишнего не заплатите, а город выиграет, и это будет по-честному. Ну, что скажете? Поможете нам?

Ответом был гул равнодушных, а то и насмешливых голосов, понятный сам по себе. Никто не собирался откликнуться на призыв Филипа. Чего ради стали бы купцы нарушать хартию и спорить с Бенедиктинским орденом, когда это не сулило им никакой выгоды. Отмахнувшись, все занялись своими делами. Молодые люди, сгрудившиеся за спиной Филипа, принялись переговариваться между собой – сначала тихонько, но потом голоса их зазвучали все громче и злее. Томас из Бристоля, стоявший перед Филипом, словно глыба, и смотревший на него с презрением, пригрозил юноше кулаком и нетерпеливо сказал:

– Прочь с дороги, мальчишка! Не мешай работать... Ишь чего удумал – платить десятину городу! Разве права аббатства не утверждены хартией? Только попробуй, только посмей сказать, что монастырь не платит городу сбор, положенный по закону! А коли считаешь, что закон нарушен, то ступай со своей жалобой к шерифу, как положено, и не суйся к нам со всяким вздором. А теперь проваливай отсюда и дай честным людям делать свое дело.

Молодой человек вспыхнул:

– В Шрусбери живут такие же честные люди, как и в Бристоле, хоть и не похваляются этим. У нас честность принимают как должное. И то, что у нашего города порушены стены и разбиты мостовые, а аббатство и аббатское предместье не понесли такого ущерба, вовсе не вздор!

Купец дал знак своим людям, чтобы те продолжали разгрузку, а сам с презрением повернулся к юноше широкой спиной и направился за дубинкой, припрятанной среди бочонков. Филип с негодованием устремился за ним. Пылкий юноша не мог снести, что от него отмахнулись, как от надоедливого комара.

– Мастер! – воскликнул он. – Послушай, еще одно слово... – И, желая задержать Томаса, он ухватился за его широкий рукав.

И купец, и парнишка были людьми горячими, в этом они друг друга стоили, и, возможно, их разговор все одно добром бы не кончился, но у Кадфаэля сложилось впечатление, что, когда Филип схватил Томаса из Бристоля за руку, тот испугался и решил, что ему грозит нешуточная опасность. Как бы то ни было, купец развернулся и, не глядя, ударил паренька дубинкой. Филип выпустил рукав и поднял руку, чтобы защитить голову, но прикрыться как следует не успел. Тяжелый удар обрушился ему на предплечье, дубинка задела висок, и юноша рухнул плашмя на доски пристани. Кожа над ухом была содрана, и из ссадины сочилась кровь.

На том мирным переговорам пришел конец. В один миг все закрутилось, словно в водовороте. Филип был оглушен и упал, не издав ни звука, но кто-то в толпе при виде этого испуганно вскрикнул, и крик мгновенно потонул в реве возмущенных, разгневанных голосов, призывавших к отмщению. Двое парней из компании Корвизера бросились поднимать своего незадачливого жожака, а остальные кинулись с кулаками на торговцев, которые сами были взбудоражены и не преминули дать юнцам отпор. Городские парни принялись, отбиваясь от купцов и их подручных, швырять в реку только что выгруженные на пристань тюки и бочонки. Правда, вскоре за товарами последовал и один из нападавших, но беспокоиться за этого малого не стоило: здешние мальцы росли у реки, а потому плавать учились чуть ли не раньше, чем ходить. Парень, конечно же, выплыл, выбрался на берег и поспешил на помощь своим, поскольку на пристани уже всюю шла свалка.

Некоторые здравомыслящие горожане попытались осторожно вмешаться, надеясь разнять дерущихся и хоть немного урезонить разбушевавшуюся молодежь. Однако в итоге им достались тумачи, предназначавшиеся противнику. Обычно так и бывает с теми, кто пробует утихомирить разошедшихся драчунов.

Среди прочих вниз по тропе со всех ног устремился и Кадфаэль. Он видел, что купец занес дубинку над головой упавшего юноши. Лицо Томаса не предвещало ничего хорошего – второй удар мог оказаться роковым, и монах хотел предотвратить его во что бы то ни стало. Однако его вмешательства не потребовалось. Какая-то девушка, цепляясь за перила, выбралась из крошечной надстройки на корме, спрыгнула, подобрав юбки, с борта на пристань и в последний момент повисла на руке купца.

– Дядюшка! – вскричала она умоляющим голосом. – Прошу тебя, не надо! Он ничего дурного не сделал, а ты его чуть не убил.

Все это время Корвизер лежал, широко раскрыв карие невидящие глаза, и лишь при звуке девичьего голоса заморгал и стал приходить в себя. Он с трудом привстал на колени, вспомнил, что с ним случилось, и, собравшись с силами, попытался встать на ноги, чтобы поквитаться с обидчиком. Паренек не слишком в этом преуспел: ноги его подкашивались, а голова тряслась так, что ему пришлось поддерживать ее руками. Однако стоило ему увидеть девушку, как он замер. Она стояла, вцепившись в руку купца, и ангельским голосом, который усмирил бы и дракона, что-то умоляюще говорила ему на ухо, не сводя с юноши встревоженных, сочувствующих глаз. И сие неземное создание называло этого старого демона «дядюшкой». Гнев юноши мгновенно улетучился. Он и думать забыл о своей обиде, его окровавленное лицо преобразилось. Приподнявшись на одно колено и все еще покачиваясь, он как зачарованный глядел на это чудесное видение – так, верно, заплутавший путник взирает на путеводную Полярную звезду.

А на девушку и впрямь можно было засмотреться – очаровательная, лет восемнадцати-девятнадцати, с обнаженными руками и непокрытой головой, с двумя великолепными иссиня-черными косами до пояса, нежным, полудетским личиком и, словно розы на снегу, румянцем на щеках. Темно-голубые глаза, опущенные длинными ресницами, переполняла тревога. Не удивительно, что один звук ее голоса привел в чувство не на шутку рассерженного

дядюшку, а вида ее оказалось достаточно, чтобы приятели Филипа, кинувшиеся было ему на выручку, застыли на месте, разинув рты, мигом утратив свой воинственный пыл.

Но в этот момент дравшиеся на пристани сцепились в тесный клубок и ненароком сбили сложенные бочки. Те с грохотом покатались во всех направлениях. Улучив момент, Кадфаэль подхватил молодого Корвизера под мышки, рывком поставил его на ноги и, оттащив в сторону по-прежнему пребывавшего в ошолоблении парня, передал его на попечение друзей. Катящийся бочонок угодил под ноги Томасу. Купец упал, а его племянница успела отскочить и закачалась на самом краю причала. Казалось, еще миг – и она свалится в воду.

Но тут кто-то, метнувшись мимо брата Кадфаэля, проворно перепрыгнул через катившийся бочонок и, ловкой рукой обхватив девушку за талию, удержал ее. Монах сразу признал этого человека по золотившейся шевелюре и оценил его смелость и грацию. Сам он довольствовался тем, что помог Томасу подняться и отвел его в сторону. Увидев, что молодой человек все еще обнимает девушку за талию, монах вовсе не удивился. Впрочем, та и не спешила освободиться. Она не сводила широко раскрытых глаз с лица своего спасителя, который старался успокоить ее словами и ласковым взглядом. Она смотрела на него так же, как смотрел на нее Филип Корвизер.

– Все в порядке, вы в полной безопасности. Но позвольте мне помочь вам вернуться на борт: вам, да и вашему дядюшке, некоторое время будет лучше побыть там. Искренне советую вам поступить так, – промолвил молодой человек, порывисто обернувшись к купцу. – А вас, красавица, никто не осмелится обидеть. Как можно быть неучтивым в присутствии такой дамы, – объявил он, не скрывая восхищения, и девушка зарделась.

Томас из Бристоля оправил одежду слегка трясущимися руками. Он был грузен и, видать, при падении изрядно ушибся.

– Благодарю вас за помощь, сэр, – сказал он, – и тебя тоже, брат. Но мои вина... мои товары...

– Предоставьте это нам, почтеннейший. Все, что можно спасти, будет выловлено из реки. Вы можете спокойно подождать на своем судне. Эта свалка скоро закончится: с минуты на минуту здесь будут люди шерифа, и уж они-то быстро утихомятят этих разгулявшихся молодкососов. Ведь они набедокурили не только здесь – половина из них бушевала в предместье, переворачивая лотки и гоняясь за аббатскими служителями. Но в конце концов все они окажутся в темнице и вот тогда-то горько пожалеют о собственной глупости и о том, что осмелились выступить против Бенедиктинского ордена.

Говоря это, молодой человек посматривал на брата Кадфаэля, который тем временем помогал возвращать на место раскатившиеся бочки и, находясь неподалеку, прекрасно все слышал. Кадфаэль понял, что молодой человек говорит это намеренно, желая, чтобы он услышал и оценил его дружелюбие. Лицо незнакомца сохраняло выражение подобающей серьезности, но в глазах поблескивали лукавые искорки.

– Мое имя Иво Корбьер, – беспечно продолжал спаситель девушки. – В этом графстве мне принадлежит манор Стэнтон-Коббольд, но большая часть моих земель находится в Чешире. С вашего позволения, я сочту за честь предложить свою помощь...

К тому времени он уже убрал руку с талии девушки, но сделал это подчеркнуто неохотно, продолжая ласкать спасенную красавицу взглядом. Она прекрасно сознавала это и принимала его внимание не без удовольствия.

– Ну вот! – вскричал Корбьер, когда один из юнцов, перевесившись через парапет моста, издал предупредительный свист. – Смотрите, как улепетывают эти лоботрясы. Наверное, этот малый был оставлен на мосту следить за воротами и, углядев, что оттуда выехали стражники шерифа, дал знак своим, чтобы те уносили ноги.

Догадка его оказалась верной. Заслышав свист, полдюжины взъерошенных голов обернулось к мосту. Драчуны увидели, что оттуда им машут руками. Тотчас прекратив драку, они

побросали все, что было у них в руках, и ринулись врассыпную: одни помчались вдоль Гайи, рассчитывая укрыться в прибрежных кустах, другие – вверх по склону, надеясь затеряться в лабиринте узких улочек предместья, а один сиганул под арку моста и вскоре появился с другой стороны, отделавшись лишь тем, что промочил ноги. Вскоре по мосту громко простучали копыта и несколько стражников спустилось к пристани, тогда как остальной отряд поскакал к ярмарочной площади.

– Считайте, что все закончилось! – весело сказал Иво Корбьер. – Брат, не дашь ли ты мне весло? Ты ведь знаешь эту реку лучше меня, а там плавает немало добра, которое заработано в поте лица, и многое можно еще спасти.

Иво не спрашивал разрешения, он уже присмотрел среди качавшихся у пристани лодок маленькую, но увертливую посудину и, пробежав по доскам, прыгнул в нее прежде, чем конные стражники спустились к причалу и принялись растаскивать тех горожан, которые никак не могли утихомириться. Кадфаэль последовал за ним. Монах прекрасно чувствовал время и знал, что до повечерия осталось всего минут десять. С одной стороны, он вроде бы должен уйти – пусть этот уверенный в себе и властный молодой человек сам вылавливает купеческие товары. Но с другой стороны, его ведь послали, чтобы он помог одному из гостей ярмарки, и разве нельзя сослаться на то, что он по-прежнему занят именно этим? Кадфаэль продолжал задавать себе этот вопрос, уже сидя в позаимствованной Иво лодке и высматривая ближайший бочонок, качавшийся на воде в лучах закатного солнца, хотя, по сути, оставшись здесь, он уже решил его для себя.

Шум на пристани вскоре стих. Все, кто остался на берегу, деловито вылавливали из воды узлы и кипы, спускаясь все ниже по течению, туда, где кое-какие товары прибило к берегу, и оставляя без внимания то, что, по-видимому, было безнадежно испорчено. Торговцы подсчитывали потери, которые – благодарение Богу! – оказались не слишком велики, и прикидывали, какова будет выручка после уплаты всех пошлин и сборов. Выходило, что понесенный ущерб не так уж страшен и с ним вполне можно смириться. Вдоль предместья приводили в порядок палатки, ставили на место перевернутые лотки и заново раскладывали раскиданные товары. Сомнительно, чтобы погром докатился до самой ярмарочной площади, где сложили свое добро самые богатые купцы.

В каменном подземелье замка и в городской темнице томила уже добрая дюжина юнцов. Они залечивали свои ссадины и гадали, как же так вышло, что их благородное и достойное желание выразить протест против несправедливости привело к такой потасовке. Что же до заводилы, Филипа Корвизера, то даже друзья, помогавшие ему, еще не совсем пришедшему в себя, убраться с пристани, не знали, куда он потом делся и где теперь прячется. Затея их провалилась, и цена мальчишеской горячности оказалась слишком высокой. Правда, даже шериф, Жильбер Прескот, не собирался чересчур сурово судить сорванцов, понимая, что они руководствовались добрыми намерениями, да только сбились с пути.

– Ох, почтеннейшие, – промолвил Томас из Бристоля, успокоенный и признательный, – у меня нет слов, чтобы выразить вам благодарность за столь великодушную помощь. Бочонки мои не пострадали. Они прочные, ведь моя вина не из тех, что распирают сразу после покупки: прежде чем распечатать бочку, их подолгу выдерживают – со временем букет становится только лучше. А заморские сласти мы, благодарение Всевышнему, еще не успели выгрузить. Нет, я не потерпел заметного убытка. И дитя мое в большом долгу перед вами. Иди сюда, девочка, не прячься! Окажи уважение нашим добрым друзьям. Позвольте представить мою племянницу, дочь моей сестры, Эмму Вернольд. Она единственная наследница своего отца, который был каменных дел мастером в нашем городе, а также и моя, ибо у меня нет другой родни. Эмма, дорогая, налей-ка нам вина.

Пока все были заняты тем, что выуживали из реки товары, девушка не теряла времени даром. Теперь она вышла к гостям, покрыв косы золотистой сеткой и надев поверх простого дорожного платья вышитую тунику из тонкого полотна. «Нет, – подумал брат Кадфаэль, – не ради меня она этак разнарядилась». Монаху пора было прощаться с новыми знакомыми и возвращаться к своим обязанностям. Он и так пропустил повечерие, и, перед тем как отправиться на боковую, ему предстояло еще добрый час провозиться в своем сарайчике. Впрочем, маловероятно, чтобы кто-нибудь сегодня рано улегся в постель. Томас из Бристоля, например, рачительный хозяин, вряд ли надолго оставит товары под присмотром работников, как бы он им ни доверял. Наверняка он наведается на ярмарочную площадь и самолично убедится в том, что все благополучно уложено, упрятано и подготовлено к завтрашнему торгу. И коли он сочтет возможным оставить свою племянницу в обществе этого красивого молодца до своего возвращения, на то его воля. Видать, упоминание о маноре Стэнтон-Коббольд в качестве лишь малой части достояния молодого человека произвело желаемое впечатление. По сути, не было особой надобности подчеркивать то, что мистрисс Эмма является богатой наследницей. Впрочем, сознающие свой долг дядюшки и опекуны не упускают случая присмотреть девицам достойных женихов. Однако этот молодой человек глаз с нее не спускал задолго до того, как услышал про ее состояние. Что и не диво – она прелестное дитя, по любым меркам.

Брат Кадфаэль извинился за то, что не может задержаться, пожелал всей компании доброй ночи и неторопливо направился к монастырской сторожке. В предместье было по-прежнему многолюдно, но все уже успокоилось и вернулись к своим делам. Порядок был восстановлен. Теперь уже ничто не помешает тому, чтобы завтра утром открылась ярмарка Святого Петра.

4

Хью Берингар вернулся с последнего объезда предместья намного позже десяти часов, когда послушным распоряжению братьям положено было спать. Однако он вовсе не удивился, встретив на монастырском дворе Кадфаэля, который шел из своего сарайчика.

– Слышал я, что ты оказался в самой гуще событий, – промолвил Хью, потягиваясь и позевывая, – оно и не диво: с тобой вечно такое случается. Сумасбродные юнцы, на что они надеялись? Возомнили себя умнее своих отцов, думали добиться того, что не удалось старшим. А в результате своим буйством оттолкнули и тех, кто поначалу, может, и сочувствовал им. Теперь их родителям придется платить штраф, а город из-за этой потасовки потеряет больше, чем рассчитывал получить. Но знаешь, Кадфаэль, мне как-то не по душе хватать и сажать в темницу этих молокососов за одну только их дурость. Мы-то знаем, что они вовсе не злодеи. У меня на душе неприятный осадок от всего этого. Давай-ка заглянем в сарайчик да разопьем чашу-другую. Тебе все одно нет смысла ложиться спать – до заутрени осталось всего ничего.

– Но тебя будет ждать Элин, – возразил Кадфаэль.

– Вот уж нет. У нее, слава Богу, довольно здравого смысла, чтобы лечь спать, не дожидаясь меня. Она ведь знает, что после объезда мне нужно явиться в замок и доложить шерифу о результатах облавы. Сомневаюсь, что я вообще смогу вернуться к ней до утра. Давай-ка расскажи мне по порядку все, что ты видел. Ты, как я слышал, был на пристани, где и началась вся заваруха.

Кадфаэль охотно пошел с ним. Они уселись в тесной каморке, и привратник, привыкший к тому, что всякий раз по приезде в обитель помощника шерифа случаются такие ночные посиделки, вынес друзьям вина, вежливо осведомился, как идут дела, и удалился, оставив их наедине.

– Скольких ты задержал? – спросил Кадфаэль, закончив свой рассказ о событиях у реки.

– Семнадцать. Было бы восемнадцать, – хмуро признался Хью. – Но Эдви, парнишку Белкота, я выловил один, без свидетелей, устроил ему выволочку, вклеил затрещину и отпустил домой, велел держать язык за зубами. Хотя смысленный чертенок и наверняка знал, на что идет. Нет, пожалуй, не стоило ему потакать.

– Его отец был среди вчерашних делегатов, – заметил Кадфаэль. – А он смелый паренек и преданный сын. Думаю, ты поступил правильно. Я рад, что малец ночует дома, а не в темнице. А что молодой Корвизер?

– Его мы так и не нашли – как сквозь землю провалился. А ведь добрая дюжина свидетелей подтверждает, что он-то и был заводилой. Но рано или поздно ему придется вернуться домой, и тогда его все равно схватят. Пусть не надеется, что ему удастся отвертеться.

– Но он не нападал на купцов и не угрожал им, – сказал Кадфаэль, – а хотел их убедить и разглагольствовал перед ними, ну точно проповедь читал. А эти парни, его друзья, начали погром лишь после того, как Филипа свалили ударом. Я все это видел своими глазами. Человек, который огрел паренька дубинкой, сделал это с перепугу, может, и сам того не желая. Но рачуюсь тебе, ему ничего не грозило, и выходит, драку начал он, а не парнишка.

– Верю тебе на слово, брат, и, когда дойдет до разбирательства, буду стоять на этом. Но раз уж он заварил всю кашу, то должен отвечать наравне со своими товарищами, и придется его поймать, коли уж это дело шериф на меня повесил... – устало промолвил Хью и провел длинными пальцами по опущенным векам. – Слушай, брат Кадфаэль, а тебе не кажется, что я чересчур быстро превращаюсь в ревностного служаку. Того и гляди, ничего человеческого не останется. Вот уж чего бы мне не хотелось.

– Ну нет, – рассудительно ответил Кадфаэль, – ты еще недалеко зашел, по глазам вижу. Да и ума тебе не занимать. Так что, думаю, кое-что осталось.

– Ну и слава Богу. Так ты говоришь, что бристольский купец ударил этого бедолагу безо всякой причины?

– Сам-то он думал, что причина у него есть, но это ему только почудилось. Паренек хотел его задержать, вот и схватил за рукав, а купец решил, что тот нападает. В руке у него была дубинка, вот он и ударил с развороту. Таким ударом и быка свалить можно. Парнишка лишился чувств, и друзья еле-еле его на ноги поставили. Сомневаюсь, чтобы после этого он много набедокурил, – ему и лоток перевернуть сил не хватило бы.

Хью, уперев локти в стол, внимательно посмотрел на собеседника и улыбнулся:

– Коли бы мне потребовался защитник, я бы к тебе бегом помчался. Ты любого законника за пояс заткнешь. Да что говорить, знаю я этого Филипа. Язык у него без костей, только часто болтает лишнее. К тому же и сердце у него горячее, и нрав вспыльчивый. Его горячность частенько берет верх над рассудком, похоже, что рассудительности-то ему и недостает.

Круглолицый привратник просунул в дверь голову с загорелой тонзурой и обратился к Берингару:

– Милорд, явилась девица, называющая себя Эммой Вернольд, племянницей купца Томаса из Бристоля. Ее что-то беспокоит, и она просит дозволения поговорить с вами. Она здесь, у ворот. Прикажете ее впустить?

Хью и Кадфаэль переглянулись, удивленно подняв брови.

– Это тот самый купец? – недоумевающе спросил Берингар.

– Тот самый. И та самая девушка. Но ведь переполох давно закончился. Что же ей нужно здесь в такой час? И о чем думает ее дядюшка, позволяя девице разгуливать по ночам?

– Сейчас мы это выясним, – промолвил Хью, и видно было, что он подумал: «Деваться-то все равно некуда».

– Пусть она войдет, – сказал он привратнику, – если я действительно тот, кто ей нужен.

– Сперва она спросила Иво Корбьера, он гостит в обители. Но я знаю, что он улаживает какие-то дела в предместье и еще не вернулся. А когда я помянул, что здесь находится помощ-

ник шерифа, она обрадовалась и стала просить допустить ее к вам. Похоже, ей надобно прибегнуть к помощи закона, и то, что слуга закона здесь и не дремлет, пришлось очень кстати.

– Ну, зови ее. А ты, брат Кадфаэль, будь добр, останься. Ты с ней уже встречался, и она наверняка будет рада знакомому лицу.

Эмма Вернольд вошла торопливо, но нерешительно и присела в поспешном реверансе. Судя по всему, в незнакомом месте она чувствовала себя не вполне уверенно.

– Милорд, прошу прощения за то, что побеспокоила вас в столь поздний час... – Тут она заметила брата Кадфаэля и слегка улыбнулась – облегченно, но рассеянно. – Меня зовут Эмма Вернольд. Я приехала со своим дядюшкой, Томасом из Бристоля. У моста пришвартована его баржа, там мы сейчас и живем. А это дядюшкин работник, Грегори.

Сопровождал ее самый младший из троих купеческих подручных – нескладный, худощавый, но крепкий парень лет двадцати.

Берингар взял девушку за руку и усадил на лавку возле стола.

– Готов служить всем, чем смогу, – сказал он. – Что случилось?

– Достойный сэр, вскоре после того, как этот добрый брат ушел от нас, дядюшка отправился на ярмарочную площадь – он снял там палатку для хранения товара, – чтобы проверить, все ли в порядке. Вы же знаете, что сегодня творилось. Там, при товарах, оставалось двое работников. Дядюшка пошел к ним, а Грегори оставил со мной. Но прошло более двух часов, а он так и не вернулся.

– Но ведь он привез на продажу много товара, – резонно предположил Хью. – Чтобы все подготовить как следует и с утра показать товар лицом, требуется немало времени, а он, наверное, не ушел бы оттуда, не убедившись, что все в порядке.

– Это верно. Но странно то, что он куда-то запропастился. С ним там было двое подручных – Роджер Дод и носильщик Варин. Варин, тот остался ночевать при товарах, а Роджер вернулся на баржу час тому назад и очень удивился, не найдя там моего дядюшки. Он сказал, что тот ушел задолго до него и собирался вернуться на баржу. Поначалу мы решили, что он встретил по дороге какого-нибудь знакомого и заговорился с ним, но время шло, а его все не было. Тогда я взяла Грегори и мы пошли на ярмарочную площадь: вдруг дядюшка о чем-то забыл, а потом вспомнил про свою оплошность и вернулся к товарам. Но его и там не было. А Варин говорит все точь-в-точь как Роджер: дескать, дядюшка ушел первым и собирался идти прямо на баржу, потому как час уже поздний. Ему никогда не нравилось... – Девушка осеклась и, побледнев, поправилась: – Ему не нравится, если я остаюсь наедине с мужчинами без него.

Взгляд ее был прямым и ясным, но губы слегка дрожали. Она старалась держаться твердо, но не могла скрыть охватившего ее беспокойства.

«Она знает, насколько красива, – подумал Кадфаэль, – и может статься, что один из работников, скажем, этот Роджер Дод, старший дядюшкин подручный, пленился ее красотой. Ей это известно, но парень ей не нравится, вот девушке и становится не по себе, если она остается с ним наедине, без опекуна. Хотя, возможно, для тревоги и нет оснований».

– А что, если он вернулся к барже каким-нибудь другим путем? – спросил Хью. – Тогда вы вполне могли разминуться с ним по дороге.

– Но мы и сами вернулись обратно. А на барже на такой случай оставался Роджер. Нет, дядюшка не приходил. Я расспрашивала людей в предместье – многие еще не легли спать, все готовится к завтрашнему открытию, – не встречал ли кто похожего человека, но так ничего и не разузнала. И тогда я подумала... – Девушка повернулась и обратилась к брату Кадфаэлю: – Тот молодой человек, который так охотно помог нам сегодня вечером, сказал, что остановился в странноприимном доме вашей обители. Вот мне и пришло в голову: а вдруг дядюшка снова встретил его по дороге и зашел к нему. И уж во всяком случае, он знает дядюшку в лицо и мог бы сказать мне, видел ли его. Но мне сказали, что он еще не вернулся.

– Стало быть, он ушел с пристани раньше твоего дядюшки? – спросил Кадфаэль.

Там, на причале, ему показалось, что молодой человек не прочь провести часок-другой в обществе этой красавицы. С другой стороны, купец, человек строгих правил, наверное, умеет дать понять даже лордам, похваляющимся множеством владений, что к его племяннице можно приближаться не иначе как в присутствии опекуна.

Эмма вспыхнула, но не отвела глаз, казавшихся на диво решительными и сообразительными на столь нежном, юном личике.

– Почти сразу после тебя, брат. Он был добр и учтив во всех отношениях. Потому-то я и решила обратиться к нему. Сочла, что на него можно положиться.

– Я попрошу привратника направить его сюда, как только он вернется, – предложил Кадфаэль. – Скоро все так или иначе отправятся на покой: ему ведь тоже надо будет как следует выспаться, коли он собирается завтра с утра быть на ярмарке, а он, надо полагать, для того и приехал. Что скажешь, Хью?

– Дельная мысль, – отозвался Берингар, – поговори с привратником, а мы займемся поисками мастера Томаса, хотя я думаю, что, несмотря на задержку, с ним все в порядке. Накануне ярмарки, – сказал он девушке с ободряющей улыбкой, – всегда столько дел, что и дня не хватит, чтобы с ними управиться. Тут уж не до сна, можно и припоздниться.

Уже направляясь к привратнику, чтобы попросить того перехватить по возвращении Иво Корбьера, Кадфаэль услышал, как девушка прошептала:

– О да. – В голосе ее звучали надежда и благодарность.

Однако предупредить привратника не потребовалось: Иво Корбьер был легок на помине. Большие ворота аббатства были уже закрыты, но тут отворилась маленькая калитка, и из нее вынырнула отливавшая золотом голова. В свете факела, укрепленного над воротами, волосы заблестели, точно маленькое солнышко. С непокрытой головой, небрежно накинув тунику на плечи, Иво Корбьер упругой походкой, в благодушном настроении направлялся к странноприимному дому. Судя по всему, дневные труды ничуть его не утомили. Его полотняная рубаха отсвечивала в полумраке призрачной белизной. Молодой человек насвистывал песенку, которую, судя по игривой мелодии, подхватил даже не в Лондоне, а не иначе как в Париже. Не приходилось сомневаться в том, что он выпил, и изрядно, но отнюдь не сверх меры. Пожалуй, даже недобрал ее. Кадфаэль окликнул его, и Иво встрепенулся.

– Как, это ты, брат? В такой час? Решил не спать до заутрени? – Он добродушно рассмеялся, но тут же почувствовал, что монах встретил его неспроста, и голос его стал серьезным: – Ты искал меня, брат? Неужто стряслась беда? Боже праведный, уж не убил ли старик того мальчишку?

– Ничего страшного, – отвечал монах. Кадфаэль говорил с ним запросто, полагая, что Иво хоть и знатного рода, но молод, да и ряса позволяла монаху держаться свободнее. К тому же Корбьер, судя по всему, был не чванлив. – Просто тут, в сторожке, кое-кто тебя дожидается. А ты, наверное, все это время провел на площади да в предместье, возле торговых палаток?

– Само собой, – отозвался Иво, и видно было, что он заинтересовался. – Недавно я обзавелся новым манором в Чешире, а он донельзя запущен. Я подыскиваю шерстяные ткани и фламандские шпалеры для отделки дома. А в чем дело?

– А тебе нигде не попадался мастер Томас из Бристоля? Я имею в виду: после того, как ты покинул его баржу сегодня вечером?

– Нет, – недоуменно ответил Иво, вглядываясь в мягкий летний сумрак. – Я ушел оттуда, потому как старик, а он человек умудренный, дал мне понять, что с девушкой можно видаться только в его присутствии и с его разрешения. И это разумно, ибо она и без его наследства сама по себе сокровище. Я отнесся к его словам с уважением и ушел. Ну и что? Что с того?

– Пойдем, посмотришь, – предложил Кадфаэль и повел Иво в сарайчик.

Войдя с темного двора в освещенное помещение, молодой человек заморгал, но, увидев Эмму, изумленно вытаращил глаза. Трудно было сказать, кто из них был больше смущен. Девушка стремительно поднялась с места. Иво Корбьер устремился ей навстречу:

– Мистрисс Вернольд! В такой час? Уж не стряслось ли... – Молодой человек быстро смекнул, что Эмму могло привести сюда лишь нечто неотложное, и потому обратился к Берингару: – Могу я узнать, что случилось?

Хью вкратце изложил ему суть дела. Кадфаэль не удивился, приметив, что Корбьер, выслушав всю историю, испытал скорее облегчение, нежели тревогу. Верно, рассудил, что молоденькая, неопытная девушка склонна переживать попусту. Дядюшка же ее человек бывалый, чуть ли не весь свет объехал и, понятное дело, может за себя постоять. Скорее всего, ничего с ним не приключилось: заболтался с кем-нибудь из знакомых купцов, а может, решил обойти торговые ряды и разведать, как обстоят дела у конкурентов. Накануне ярмарки это не лишнее.

– С ним все в порядке, – добродушно заверил Корбьер, стараясь ласковой улыбкой успокоить Эмму. Но глаза девушки оставались тревожными и серьезными.

«А она далеко не глупа, – размышлял, наблюдая за ней, Кадфаэль, – и знает своего дядюшку лучше, чем кто-либо другой».

– Вот увидите, – продолжал Иво, – он скоро вернется домой и немало подивится тому, что тут поднялся такой переполох.

Девушка хотела верить этому, но в глазах ее оставалось сомнение.

– Я очень надеялась, – промолвила она, – что вы повстречали его снова или хотя бы где-нибудь видели.

– Жаль, что не так, – ответил молодой человек. – Был бы рад сообщить что-нибудь утешительное. Но, увы, я его не видел.

– Полагаю, – вмешался Берингар, – что теперь этим делом должен заняться я. Здесь, в аббатстве, со мной осталось полдюжины стражников, и мы немедленно наладим поиски мастера Томаса. Но сдастся мне, девушке не стоит блуждать по ночам. Будет лучше, если ваш слуга вернется на баржу, а вы, мистрисс Вернольд, если, конечно, не против, останетесь на ночь в странноприимном доме, где остановилась моя жена. Констанс, ее служанка, приготовит вам комнату и все необходимое.

Трудно сказать, успел ли Берингар заметить нежелание девушки возвращаться на баржу без опекуна или же просто хотел разместить ее на ночь в ближайшем безопасном месте, под надежным присмотром. Так или иначе, лицо девушки просветлело, и она поблагодарила Берингара так горячо, что не оставалось сомнений – его предложение пришлось как нельзя кстати.

– Тогда идем, – любезно промолвил Хью, – вас я оставлю на попечение Констанс, ну а сам займусь поисками.

– Ну а я, – воодушевленно заявил Корбьер, просовывая руки в рукава туники, – присоединюсь к вам, если, разумеется, вы не против.

Они прочесали все предместье: Берингар с шестью стражниками – неугомонный, сна ни в одном глазу, – Иво Корбьер и брат Кадфаэль. У последнего, по правде сказать, не было никаких оснований отправляться на розыски купца, разве что смутное предчувствие. Но монах убедил себя, что нелепо ложиться спать, если в полночь все одно придется вставать к заутрене. И уж если такая отговорка годилась для того, чтобы выпить с Берингаром, то всяко могла оправдать и участие в поисках Томаса из Бристоля. Кадфаэль вновь припомнил все, что произошло за этот вечер, и покачал головой. Он чувствовал, что не успокоится, пока снова не увидит бритую физиономию купца и не услышит его зычный, самоуверенный голос. Иво, тот, похоже, не придавал исчезновению Томаса особого значения, считая, что всяк может загулять и припоздниться, даже если это не в его привычках, и в любой другой день Кадфаэль, возможно, и согласился бы

с ним. Но не сегодня. После подобных бурных событий, когда люди позволили страстям взять верх над рассудком, можно ожидать чего угодно. Как знать, а вдруг кто-то обозлился настолько, что решил тайком, под покровом ночи, поквитаться с купцом за его необдуманный поступок, совершенный, однако, открыто и у всех на виду? Хотя упаси Господи от такого исхода.

Они начали с того, что убедились: на пристани Томас так и не появился и не дал о себе знать. Роджер Дод рассказал, что опросил всех торговцев, чьи суда стояли поблизости, но никто ничего не знал. Ну а отлучаться от хозяйского добра далеко купеческий подручный не решился.

Этот Роджер был плотным, крепкого телосложения молодым человеком лет тридцати, весьма привлекательным с виду, но грубоватым и замкнутым. Несомненно, он тоже тревожился. Роджер немногословно ответил на заданные Хью вопросы и с сомнением закусил губу, узнав, что племянница его хозяина устроилась на ночлег в странноприимном доме аббатства. Он и сам бы присоединился к поискам, но не мог оставить без присмотра судно с товарами. Поэтому Дод остался на барже, а молчаливого и полусонного Грегори отправил с Берингаром и Кадфаэлем, чтобы тот показал, где на ярмарочной площади стоит палатка Томаса из Бристоля. Хью отрядил троих стражников во главе с сержантом в предместье, где они не спеша прошли вдоль торговых рядов, опрашивая всех, кто не спал, а сам с остальными людьми последовал за работником. К тому времени суета на большой ярмарочной площади уже почти стихла, многие улеглись спать, но тут и там еще горели факелы и жаровни и слышались приглушенные голоса. На три дня в году это место превращалось в своеобразный городок со своим многочисленным и хлопотливым населением, но на четвертый оно снова пустело.

Томас выбрал вместительную палатку почти в самом центре треугольной площадки. Товары были аккуратно сложены внутри, и сторож не спал, а беспокойно расхаживал взад-вперед. Появление представителей власти он приветствовал с видимым облегчением. Варин был жилистым мужчиной средних лет. Судя по всему, он служил у Томаса давно и пользовался доверием хозяина, но был недостаточно сметлив, а потому занимал положение ниже, чем Роджер Дод.

– Нет, милорд, – с тревогой в голосе ответил он на вопрос Берингара, – никаких вестей, а ведь я все время на чеку. Он отправился на баржу за добрую четверть часа до ухода Роджера. Мы все тут уложили, как было велено, и хозяин остался доволен. А ведь он вечером упал – вы небось слышали об этом, – так что, сдастся мне, он был не прочь улечься в постель. Он же человек немолодой, как и я, да к тому же грузный.

– Стало быть, он ушел. А каким путем он двинулся?

– Пошел напрямик, к главной дороге. Думаю, он собирался идти вдоль предместья.

Неожиданно позади Кадфаэля послышался знакомый голос, звучная, веселая валлийская речь.

– Ну и ну, брат, что это ты полуночничаешь? Да еще в компании со служителями закона. Интересно, что могло понадобиться помощнику шерифа графства Шропшир от сторожа купца Томаса из Бристоля в такой час? Неужто выследили лазутчиков из Глочестера? А я-то утверждал, что торговля выше всяких распрей.

Узко посаженные глаза валлийца блеснули в свете факелов и далеких звезд: на небе не было ни облачка. Родри ап Хув мигом смекнул, что ни с того ни с сего помощник шерифа сюда бы не заявился, и лукаво посмеивался, чрезвычайно довольный собственной проницательностью.

– А ты небось приглядываешь по-дружески за соседями? – с невинным видом заметил Кадфаэль. – То-то, гляжу, все свои товары доставил сюда в целости и сохранности.

– Я неприятности чую издали, и здравый смысл подсказывает мне, когда отойти в сторонку, – самодовольно заявил Родри ап Хув. – А что случилось с Томасом из Бристоля? Похоже, чутье его подвело. Ведь мог бы преспокойно сняться с якоря и в полной безопасности переждать всю эту суматоху посреди реки.

– А ты видел, как началась драка? – спросил Кадфаэль как бы невзначай, но Родри трудно было провести.

– Ну, видел я, как он свалил какого-то молодого дураля, – промолвил валлиец и ухмыльнулся. – А что, после того как я ушел, еще какая-то беда приключилась? И кого вы, в конце концов, ищите: Томаса или того мальчика?

И Родри принялся с демонстративным интересом разглядывать стражников, шаривших между палатками и лотками. По всей видимости, торговец считал своим долгом быть в курсе всего, что происходило на ярмарке и хоть самую малость заслуживало внимания. «Ну что, – решил Кадфаэль, – может, и его чутье пойдет на пользу делу».

– Видишь ли, – ответил монах, – племянница Томаса подняла тревогу из-за того, что тот вовремя не вернулся на баржу. Это, конечно, может ничего и не значить, но прошло уже немало времени, его нет как нет, да и его работники тоже стали беспокоиться. А ты видел, когда он отсюда уходил?

– Видел. С той поры, пожалуй, уже часа два минуло. А вскоре следом за ним и его работник отправился. Но Томас мужик здоровенный и уж точно не потеряется по дороге. Отсюда до реки-то рукой подать. А что, о нем до сих пор ничего не слышно?

– Пока нет, и боюсь, мы вряд ли что-нибудь услышим, пока не опросим всех торговцев окрест. А сейчас это нам не удастся, потому как добрые люди в такое время уже спят, ведь завтра им подниматься ни свет ни заря.

Вся компания вышла на дорогу, ведущую вдоль предместья, и направилась к городу. Неугомонный Родри увязался за ними. Он семенил рядом с Кадфаэлем и осматривал все укромные закутки наравне с шерифскими стражниками. Огни здесь попадались реже, палатки стояли поскромнее, чем на главной площади. Над предместьем повисла ночная тишина. Слева от дороги спутники заметили несколько небольших, но крепко сколоченных ларьков, притулившихся к стене аббатства. Ближайший из них был заперт, но сквозь щели между досками пробивался свет – внутри горела свеча. Родри ощутимо ткнул Кадфаэля локтем в бок.

– Это Эан из Шотвика. Видишь, как устроился? Он всегда старается выбрать себе местечко в углу, так что его вдобавок прикрывают еще и монастырские стены. Никто не сможет подкрасться к нему сзади и застать врасплох. Этот малый всегда путешествует в одиночку, с выючным пони, никогда не расстается с оружием и недурственно им владеет. Работников не нанимает – товар его дорог, да не тяжел, а потому он сам себе и возчик, и носильщик, и сторож. Он нелюдим и никому на свете не доверяет.

Тем временем Иво Корбьер замешкался в стороне, в промежутке между ларьками. Некоторые места еще оставались свободными: только на рассвете их займут припозднившиеся торговцы. Сгущавшаяся тьма затрудняла поиски, но Иво был неугомонным и дотошен и, кажется, ничего не имел против того, чтобы провести ночь без сна. Похоже, воспоминание о ярких глазах Эммы придавало ему сил. Кадфаэль и Родри ап Хув обогнали его на несколько ярдов, когда услышали громкий, настойчивый зов молодого человека.

– Боже мой, что это?! Берингар, возвращайтесь!

Голос звучал так, что все стремглав бросились на него. Корбьер находился в стороне от дороги, где шарил между сложенными переносными лотками и парусиновыми тентами. Было темно, но в мерцающем свете звезд, присмотревшись, можно было разглядеть то, что увидел Иво. Из-под натянутой на легкую деревянную раму парусины торчали обутые в сапоги ноги. На какой-то миг все оторопели, ибо, по правде говоря, никто до сей поры по-настоящему не верил в то, что с купцом случилась беда. Затем Берингар ухватился за раму и отбросил легкую палатку в сторону. В темноте смутно вырисовывалось человеческое тело, выше колен завернутое в плащ, закрывавший и лицо. Лежавший не шевелился и не издавал ни звука.

Сержант наклонился и посветил единственным имевшимся у них фонарем, а Берингар потянул за складки материи и приоткрыл лицо. Стоило ему это сделать, как на собравшихся

пахнуло таким духом, что они замерли на месте, переглянулись и с подозрением принялись. Движение Берингара, по-видимому, растревожило мнимого мертвеца: он громко всхрапнул и обдал столпившихся вокруг мощной волной перегара.

– Мертвецки пьян и совершенно беспомощен, – заключил Берингар с облегчением в голосе, – к тому же это, по всей видимости, не тот, кого мы ищем. Судя по всему, этот малый валяется здесь уже несколько часов, и будет чудом, если проспится до рассвета. Давайте посмотрим, что это за парень.

Он бесцеремонно сорвал со спящего плащ, стражники за ноги отволокли его в сторону. Пьяный что-то невнятно пробормотал и снова захрапел. Свет фонаря высветил копну взъерошенных каштановых волос, широченные плечи и лицо, которое, будь он трезв, возможно, выглядело бы смысленным, живым и даже миловидным, но теперь, обрюзгшее, с открытым слюнявым ртом и красными веками, производило отвратительное впечатление.

Приглядевшись к лежавшему, Корбьер ахнул и воскликнул:

– Фаулер! Черт бы побрал этого пропойцу! Так-то он выполняет свои обязанности. Господь свидетель, я заставлю его пожалеть об этом.

Он захватил пятерней жесткую шевелюру и гневно потряс парня, но решительно ничего не добился – тот лишь всхрапнул пару раз погромче, приоткрыл на миг остекленные глаза и что-то промычал, умолкнув, как только его бесцеремонно уронили на землю.

– Подумать только, – возмущался Корбьер, – этот пьяный бездельник мой... мой сокольничий и арбалетчик Турстан Фаулер. – Он пнул спящего сапогом в ребро, впрочем не очень сильно, и махнул рукой. Что толку? – Этот остопоп не скоро придет в себя, но уж, когда очнется, горько пожалеет о своем непослушании. Признаться, я с удовольствием окунул бы его в реку, чтобы прохладился. Ведь я строго-настрого заказал ему покидать пределы аббатства, а он мало того, что болтался невесть где, еще и напился как свинья, стоило мне выйти за ворота. Боже милостивый, ну и вонища. Какой дряни он наакался?

– Одно несомненно, – заметил Хью, – этот парень не в том состоянии, чтобы на своих ногах добраться до постели. Раз он ваш человек, вам и решать, как с ним поступить. Но я бы не советовал оставлять его здесь на ночь. К утру начисто оберут – и без штанов останется. Здесь по ночам шляется всякий сброд, ни одна ярмарка без этого не обходится.

Иво отступил на шаг и с отвращением уставился на пьяного слугу.

– Если вы позволите мне взять пару ваших стражников да прихватить здесь какую-нибудь доску, мы отнесем этого пропойцу в обитель и зашвырнем в одну из тех келий, куда сажают проштрафившихся братьев. Пусть-ка проспится на каменном полу, это будет ему добрым уроком за такое свинство. А завтра весь день ему придется просидеть впроголодь, авось это его образумит. А нет, так в другой раз я с него шкуру спущу.

Спящего взгромоздили на доску и понесли. Всю дорогу он безмятежно храпел, отчего с трудом тащивших его стражников так и подмывало швырнуть бедолагу оземь. Кадфаэль, Берингар и прочие невесело смотрели вслед этой процессии. Искали-то они купца, а нашли какого-то пьяницу.

– Эй, глянь-ка, – шепнул Родри ап Хув на ухо Кадфаэлю. – Эан из Шотвика высунулся. Не утерпел, решил потихоньку посмотреть, что здесь творится.

Кадфаэль обернулся и увидел, что в притулившейся у стены дощатой палатке приоткрылось окошко и оттуда высунулась голова, резко очерченная в бледном свете ночи. Монах успел заметить лишь нос с горбинкой и обманчиво узкие, покатые плечи, но тут окошко бесшумно затворилось и перчаточник пропал из виду.

Упорно, не жалея сил, прочесывая ярд за ярдом, спутники осмотрели всю дорогу и вернулись к берегу реки, где их дожидался Роджер Дод. Никаких следов Томаса из Бристоля обнаружить не удалось.

На следующий день вверх по Северну поднялась лодка из Билдваса и около десяти утра пришвартовалась возле моста. Но вместо того чтобы приняться за разгрузку доставленной на ярмарку глиняной посуды, владелец суденышка попросил немедленно известить шерифа о том, что на борту у него имеется особый груз, выловленный в небольшой бухточке возле Этчама, и что, по его разумению, груз этот как раз по части шерифа. Жильбер Прескот, у которого и других дел было невпроворот, послал сержанта в аббатство с наказом найти Хью Берингара и передать, чтобы он занялся этим делом.

Пресловутый груз лежал на дне лодки, принадлежавшей мастеру-горшечнику. Он был завернут в грубую парусину, из-под которой просачивалась вода. На дне лодки расплывалось темное пятно. Лодочник развернул парусину, и взгляду Берингара предстало тело рослого, грузного мужчины лет пятидесяти – пятидесяти пяти, с редкими сединами. Черты некогда округлого лица заострились. Сомневаться не приходилось – это был не кто иной, как мастер Томас из Бристоля, но лишившийся своего щеголеватого наряда, капюшона и колец и оставшийся в чем мать родила.

– Мы увидели, что на отмели что-то белеет, – пояснил горшечник, поглядывая на свой улов, – и шестами подцепили его, беднягу, да и в лодку. Я могу показать вам это место возле островка близ Этчама. Мы решили, что следует доставить его сюда как утопленника. Только, – мрачно добавил горшечник, – он вовсе не утонул.

И это была суцкая правда. О том, что купец не просто свалился в воду, свидетельствовало то, что он был наг: едва ли он сам, по доброй воле, снял бы с себя все до нитки. Но еще более явно на причину его смерти указывала крохотная, узкая ранка под левой лопаткой. Вода смыла кровь, и лишь небольшой порез остался на том месте, где в тело Томаса из Бристоля вошел тонкий, острый стилет, пронзивший его сердце.

Первый день ярмарки

1

Первый день ярмарки Святого Петра был в полном разгаре. Споры торгующихся, возгласы зазывал, крики «поберегись!» сливались в веселый деловитый гул, перелетавший через монастырскую стену и доносившийся до сарайчика, словно жужжанье огромного пчелиного улья в солнечный летний денек. Звук этот преследовал Хью Берингара до самых его покоев в странноприимном доме, где его жена и Эмма Вернольд увлеченно обсуждали достоинства различных шерстяных тканей, а Констанс, искушенная в таких делах старая дева, придирчиво ощупывала образцы и давала советы.

Глядя на воодушевление, с которым посвежевшая Эмма предавалась этому невинному занятию, Хью помрачнел. У него не было времени на то, чтобы подготовить девушку к печальному известию, к тому же он полагал, что она вряд ли поблагодарила бы его, вздумай он ходить вокруг да около.

– Госпожа Вернольд, – начал он, – я весьма сожалею, но у меня дурные новости. Господь свидетель, я не ожидал такого исхода. Вашего дядюшку нашли. Лодка, прибывшая утром из Билдваса, доставила его тело, выловленное в реке.

Мертвенная бледность покрыла лицо девушки. Какое-то время она стояла оцепенев, ничего не видя перед собой, испуганная и беспомощная. Дядюшка был опорой ее жизни, и теперь, лишившись этой опоры, она, казалось, на самом деле могла упасть. Но вскоре девушка набрала воздуха и почти беззвучно прошептала:

– Значит, он мертв.

Хью понял, что Эмма вновь твердо стоит на ногах и, во всяком случае, не упадет. Теперь она смотрела прямо в глаза Берингару, и во взоре ее не было мольбы.

– Утонул? – спросила Эмма. – Но он вырос у реки и плавал как рыба. И почти не выпивал, ну разве самую малость. Ни за что не поверю, чтобы он мог свалиться в Северн и утонуть. Кто угодно, только не он.

– Присядьте, – мягко попросил Хью, – нам нужно немного поговорить, а потом Элин позаботится о вас. Разумеется, пока вы останетесь на нашем попечении. Вы правы, он не утонул. И умер не своей смертью. Кто-то ударил мастера Томаса кинжалом в спину и сбросил тело в реку.

– Вы хотите сказать, что его подстерегли грабители и убили, чтобы завладеть тем, что на нем было? Убили ради его платья, колец и башмаков? – Девушка говорила тихо и, казалось, с трудом подбирала слова, но голос ее не дрожал.

– Это первое, что приходит на ум. Что поделаешь – нынче на дорогах Англии беспокойно, а на каждую большую ярмарку непременно стекается всякое отребье. Эти молодчики готовы убить человека ради нескольких пенсов.

– Но дядюшка был не робкого десятка. Он не боялся пуститься в самое рискованное путешествие и не раз отбивался от разбойников. Как же могло случиться, – с болью произнесла она, – что после стольких лет полной опасностей жизни он пал жертвой какого-то подонка? Да и кто мог пойти на такое злодейство?

– Кое-кто толкует о том, – заметил Хью, – что вчера вечером кучка юнцов из города учинила на пристани свалку. Досталось многим купцам, разгружавшим свои товары и готовившим палатки. Между горожанами и приезжими торговцами, из которых мастер Томас был, пожалуй, самым влиятельным, издавна возникали раздоры – это известно, а вчера ваш дядюшка

сцепился с тем молодцом, что возглавлял этих юных сумасбродов. Что, если кто-то из них, желая посчитаться за обиду, во хмелю и гнев набросился на него ночью и убил, быть может, не сознавая даже, что делает?

– Но тогда его бы бросили на месте, – возразила Эмма, обнаружив немалую проницательность. – Нападавший думал бы только о том, как поскорее унести ноги. Горожане ведь не разбойники, как бы они ни были обижены и рассержены. Гнев мог толкнуть их даже на душегубство, но не думаю, чтобы он превратил их в воров.

Хью почувствовал изрядное уважение к этой девушке, так же как и Элин, слушавшая ее молча и внимательно.

– Не могу не согласиться с этим, – признал он. – Но предположим, что какой-то молодой буян совершил убийство в запале. Не мог ли он, испугавшись содеянного, решить замести следы и представить свое злодеяние делом рук вороватого бродяги и проходимца? Здесь есть над чем поразмыслить. Два десятка юнцов затаили злобу на мастера Томаса, считая, что он нанес им смертельное оскорбление. Но кто станет искать злодея среди них, если все указывает на то, что он был убит ради наживы?

Даже сейчас, когда сердце девушки переполняла горечь утраты, она сохраняла ясность мысли.

– Вы полагаете, – спросила она, нерешительно закусив губу, – что на него напал кто-то из этих молодых людей? Или они напали на него целой оравой? Выследили его и разделились с ним под покровом ночи?

– Так многие думают, – признался Хью, – особенно те, кто видел, что случилось у реки.

– Но мне кажется, – возразила девушка, нахмурясь, – что стражники шерифа схватили многих из этих юношей задолго до того, как дядюшка ушел с пристани. Как могли они напасть на него, если сидели под запором?

– Большинство из них забрали – это верно. Но главного заводилу взяли только рано утром. Он еле на ногах стоял – подошел, шатаясь, к городским воротам, а там его уже поджидала стража. Сейчас-то он, понятное дело, в темнице, как и его приятели, но всю ночь, а стало быть, и то время, когда был убит мастер Томас, оставался на воле. На него падает сильное подозрение. Сегодня пополудни вся ватага предстанет перед шерифом. Я думаю, что их отпустят домой под залог, который внесут отцы. За свое бесчинство они ответят позже. Но Филипа Корвизера не выпустят. Сомневаюсь, что он сможет выйти из темницы, если не сумеет вразумительно объяснить, где он был и что делал в ту ночь. То, что он бормотал, когда его схватили, едва ли удовлетворит шерифа.

– Пополудни, – эхом отозвалась Эмма. – Но тогда и мне следует явиться к шерифу. Я ведь все видела, стычка началась на моих глазах. Лорд Прескот должен выслушать меня, ведь речь идет о смерти моего дяди. Там, на пристани, были и другие – мастер Корбьер и этот брат из аббатства, которого вы, кажется, хорошо знаете...

– Они непременно будут там, и многие другие свидетели тоже. И ваши слова могли бы иметь большое значение, но просить вас в такой день...

– Я пойду, – решительно заявила Эмма. – Если дядюшку злодейски убили, я хочу, чтобы преступник был разоблачен и понес кару. Но я вовсе не желаю, чтобы в его смерти поспешно обвинили невинного. А этот юноша... не знаю, но мне показалось, что он не похож на злодея. И мне нужно рассказать все, что я знаю, – это мой долг.

Берингар бросил быстрый взгляд на жену, спрашивая ее совета. Элин ответила ему улыбкой и едва заметно кивнула.

– Ну, если вы так решили, – успокоенно промолвил Хью, – я попрошу брата Кадфаэля сопровождать вас в замок. Обо всем остальном можете не беспокоиться. Желательно, чтобы вы оставались в Шрусбери, пока идет расследование, но мы, разумеется, окажем вам необходимую помощь и предоставим все, что потребуется.

– Мне бы хотелось, – промолвила Эмма, – отвезти тело дядюшки на барже в Бристоль и похоронить его дома.

Только вымолвив эту фразу, девушка вспомнила то, о чем до сих пор не задумывалась: она осталась без опекуна и на сей раз на барже с ней не будет никого, кроме Роджера Дода, чья безмолвная, но выжидательная и ревнивая преданность пугала ее, Варина, которому решительно ни до чего не было дела, и крепкого телом, но скудоумного бедняги Грегори. Эмма порывисто вздохнула и нерешительно закусила нижнюю губу. На лицо ее набежала тень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.